АБДЕРИТЫ.

КНИГА ТРЕТІЯ,

ИЛИ

Эврипидъ между Абдеритами.

ГЛАВА I.

Абдериты готовятся итти въ комедію.

У Совѣтниковъ Абдеритскихъ былъ издревле введенной обычай, матеріи, о которыхъ въ Совѣтѣ разсуждаемо было, не посредственно по томъ за столомъ (при

гостяхъ, или токмо при одномъ своемъ семействѣ) повторять вкратцѣ, и превращать оныя въ обильной источникъ или острыхъ замысловъ и шуточныхъ замѣчанїй, или патрїотическихъ воздыханїй, жалобъ, желанїй, бредней, будущихъ надеждъ и проч.; особливо когда въ сочиненномъ опредѣленїи Совѣта препоручено было хранить *молчанїе.* Но въ сей разъ, — хотя случившееся между Абдеритами и начальникомъ врачей, по рѣдкости своей, заслуживало помѣщено быть въ лѣтописяхъ ихъ республики, — при всѣхъ столахъ, гдѣ Совѣтникъ или цеховой мастеръ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, помышляемо было о Иппократѣ и Демокритѣ столь

мало,

мало, какъ будто бы люди подъ симъ именемъ отнюдъ не существовали. Въ семъ случаѣ Абдериты показали въ себѣ совсѣмъ отмѣнной смыслъ, и чувствованіе тончайшее, нежели какого, судя по обыкновенной ихъ причудливости, отъ нихъ ожидать надлежало. Въ самомъ дѣлѣ, исторію ихъ съ Иппократомъ, какъ бы они ни захотѣли ее вертѣть и прикрашивать, не можно было расказать такъ, чтобъ она послужила имъ въ честь. Почему всего надежнѣе для нихъ было, оставить дѣло въ своемъ видѣ и умолчать объ немъ.

И такъ сегоднишняя комедія составляла на сей разъ, по обыкновенію, главной предметъ ихъ собесѣдованія. Ибо съ

тѣхъ поръ, какъ Абдериты, по примѣру принятыхъ ими за образецъ Аѳинянъ, завелись собственнымъ театромъ, то въ собраніяхъ, какъ скоро не доставало уже рѣчей — о погодѣ, уборахъ, городскихъ новостяхъ и злоупотребленіяхъ, безъ сомнѣнія говорено было или о комедіи, которая вчера была играна, или о комедіи, которая сего дня играна будетъ — и Господа Абдериты чванились, особливо предъ чужестранцами, не мало тѣмъ, что они согражданамъ и согражданкамъ своимъ доставляли толь способной случай къ утонченію ихъ остроумія и вкуса, толь неисчерпаемую матерію къ невиннымъ разговорамъ въ компаніяхъ, и особли-

бливо прекрасному полу толь превосходное средство противъ вредной для души и тѣла *скуки.*

Мы скажемъ не въ поношенїе, но въ заслуженную похвалу Абдеритовъ, что они, уважая свой театръ, препоручили смотренїе надъ онымъ особому въ своемъ Совѣтѣ комитету, котораго предсѣдателемъ всегда былъ пожилой *Номофилаксъ*: слѣдовательно одинъ изъ главнѣйшихъ начальниковъ отечества. Сїе безспорно было весьма похвально. Все, что по справедливости въ семъ учрежденїи опорочить можно, состояло въ томъ, что театръ ихъ чрезъ то не сдѣлался ни на волосъ лучше. Однакожъ въ Абдерѣ гордились онымъ, и

надѣялись скоро довести его до возможнаго совершенства. А какъ выборъ пiесъ зависѣлъ отъ сего комитета, и изобрѣтенiе комедiальныхъ повѣстокъ принадлежитъ къ великому числу такихъ изобрѣтенiй, кои безъ всякаго дальнѣйшаго прекословiя отдаютъ преимущество *новѣйшимъ* предъ *древними*: то публика, — выключая, когда представляема была на театрѣ новая оригинальная пiеса Абдеритская, — рѣдко знала напередъ, что играно будетъ. Ибо, хотя комитетъ не содержалъ сего дѣла втайнѣ, однако оное, прежде нежели обнародовано было, переходило чрезъ толь многiя недоговаривающiя уста, и чрезъ толь многiя недослушивающiя уши, что почти

ти всегда на поверку открывалось не то, и слушатели, когда ожидали на примѣръ *Антигоны Софокловой*, должны были не погнѣваться, что видѣли *Эригону Физигнатову*, — а такихъ случаевъ они рѣдко или никогда не избѣгали.

Какая сегодня представлена будетъ пїеса? былъ всеобщїй вопросъ въ Абдерѣ — вопросъ, которой самъ по себѣ былъ весьма невиненъ, но по одному малому обстоятельству отзывался *слишкомъ Абдеритскимъ*, то есть, *что отвѣтъ вообще не могъ приносить никакой вещественной пользы*. Ибо люди шли въ театръ, хотябъ представляема была въ немъ старая или новая, хорошая или худая пїеса.

Прямо сказать, для Абдеритовъ *совсѣмъ не было худыхъ* пiесъ; ибо они все принимали заблаго; и отъ сего безпредѣльнаго добродушiя естественно слѣдовало то, что для нихъ не было и *хорошихъ*. Хорошо или худо, что только ихъ веселило, нравилось имъ, и все, что походило на спектакль, ихъ веселило. — И такъ каждая пiеса, сколь глупо ни сочинена, и сколь глупо ни играна была, сопровождалась неумолкнымъ рукоплесканiемъ. Тогда по всему партеру раздавались всеобщiя слова: ,, *Какъ вамъ показалась сегоднишняя пiеса?* ,, и тотчасъ отвѣтствовано было также въ одинъ голосъ: ,, *она прекрасна.* ,,

Сколь

Сколь ни мало располо-жены достойные Читатели наши удивляться тому, что мы объ отличительномЪ свойствѣ нашихЪ ѲракiйскихЪ АѳинЪ имЪ повѣствовать можемЪ, однако упомянутое лишь обстоятельство заключаетЪ вЪ себѣ толь много отмѣннаго, что мы опасаемся лишиться довѣренности, естьли имЪ не объяснимЪ, отЪ чего происходило, что Абдериты, при столь великой склонности кЪ зрѣлищамЪ театральнымЪ, дошли однакожЪ до такой безпредѣльной драмматической *безчувственности*, или паче *чрезмѣрной чувствительности*, что имЪ глупая пiэса не токмо не досаждала, но и столькожЪ — (или по крайней мѣрѣ почти столькожЪ) нра-

 ви-

вилась, какъ и хорошая. Для рѣшенія сей загадки да будетъ намъ позволено, дать краткое понятіе о театрѣ Абдеритскомъ вообще. Однакожъ мы видимъ себя принужденными, отъ благосклоннаго и справедливо мыслящаго Читателя испросить напередъ снисхожденія, великодушное оказаніе котораго ему самому наконецъ еще болѣе пригодится, нежели намъ, а именно, — не смотря на всѣ противныя наважденія злаго духа — не воображать, что будто бы здѣсь, подъ сокрытыми именами, идетъ рѣчь о театральныхъ писателяхъ, дѣйствующихъ лицахъ и партерѣ любезнаго его *отечества*. Хотя мы не отрицаемъ, что вся исторія Абдеритовъ въ нѣко-

которомъ отношенiи имѣетъ двоякой смыслъ, однако безъ ключа къ открытiю *таинаго* смисла, которой Читатели отъ насъ самихъ получить должны, подверглись бы они опасности, всякую минуту дѣлать ложные толки. И такъ мы просимъ ихъ воздержаться отъ всѣхъ непрїязненныхъ и недоброжелательныхъ намѣтокъ, и все, что слѣдуетъ, такъ какъ и всю сiю книгу, читать не съ инымъ какимъ духа расположенiемъ, какъ съ тѣмъ, съ которымъ они читали бы и другую древнюю или новую безпристрастную повѣсть.

ГЛАВА II.

Ближайшія извѣстія объ отечественномъ театрѣ Абдеритскомъ. Вкусъ Абдеритовъ. Характеръ Номофилакса Грилла.

Какъ Абдериты вознамѣрились имѣть у себя постоянной и прочной театръ, то по патріотическимъ видамъ тогдажъ опредѣлили, чтобъ онъ былъ *театромъ національнымъ*. А какъ нація, по крайней мѣрѣ большею частію, состояла изъ Абдеритовъ: то театръ ихъ по необходимому слѣдствію долженствовалъ сдѣлаться *Абдеритскимъ*. Сіе естественно было первымъ и неизлѣчимымъ источникомъ всякаго бѣдствія.

Ува-

Уваженіе, которое Абдериты имѣли къ священному городу Минервы, яко мнимой своей матери, хотя и производило то, что театральныя сочиненія всѣхъ *Аѳинскихъ Стихотворцевъ*, не по тому что они *хороши* были, (ибо сіе не всегда случалось,) но потому что они получаемы были *изъ Аѳинъ*, находились у нихъ въ великой силѣ. Да и сначала по недостатку довольнаго количества *своихъ* піесъ почти ничего другаго и представлять было не можно. А по сей причинѣ какъ въ честь города и республики Абдеры, такъ и для разныхъ другихъ выгодъ, почтено за нужное, *комическую и трагическую фабрику* завести у себя, и сію новую стихотвор-

творную мануфактуру, — въ которой Абдеритская острота, Абдеритскія мысли, Абдеритскіе нравы и глупости, какъ *грубыя національныя произведенія*, долженствовали для собственнаго употребленія обработываны быть въ драмматическомъ видѣ — сію, говорю, новую стихотворную мануфактуру положено, — какъ добрымъ и мудрымъ правителямъ и патріотамъ приличествуетъ, *ободрять всевозможнымъ образомъ*. Произведеніе сего въ дѣйство *на щетъ денегъ общественныхъ* было не возможно по двумъ причинамъ: вопервыхъ по тому, что не много ихъ было; а во вторыхъ по тому, что тогда еще не было обыкновенія, чтобъ зрители пла-

тили; но государственная казна должна была издержки театра снимать на себя: слѣдственно при сей новой статьѣ и такъ уже имѣла довольно расходовъ. Ибо о новой подати съ гражданъ, до времени, и пока не знали, сколько они въ семъ новомъ увеселеніи получатъ вкуса, не льзя было и думать. Почему не оставалось другаго средства, какъ Абдеритскихъ стихотворцевъ *ободрить на щетъ вкуса публики*, то есть, всѣ рукодѣлія, кои они выдавать будутъ безденежно, принимать за благо — по старинной пословицѣ: *даровому коню въ зубы не глядятъ*; или, какъ Абдериты говорили: *гдѣ ѣшь даромъ, тамъ* сварено *всегда хорошо.*

А

А какъ въ *заслугу* вмѣнялось, когда кто писалъ театральное сочиненіе, и какъ вообще притомъ терять было нечего: то дѣлалъ трагедіи всякъ, кто имѣлъ довольно духа, или лучше кто не имѣлъ одышки, дюжины двѣ слѣпленныхъ какъ ни попало мыслей, надувая толикимъ же числомъ отъ пышности чуть не лопающихъ періодовъ; и каждой зубоскалъ старался животы Абдеритовъ, кои онъ прежде надрывалъ въ компаніяхъ и питейныхъ домахъ, потрясти и пощекотать съ театра.

Сіе патріотическое снисхожденіе къ произведеніямъ національнымъ сопровождалось естественнымъ слѣдствіемъ, отъ котораго зло умножилось,

и купно сдѣлалось продолжительнымъ. Сколь молодые Патриціи и волокиты Абдерскіе ни были безмозглы, вѣтренны, надуты, развратны, не свѣдущи, и ко всякому напряженію душевныхъ силъ неспособны, однакожъ весьма скоро одинъ изъ нихъ, не знаемо по внушенію ли своей дѣвки, или своихъ подлипалъ, или собственнаго врожденнаго ему мечтанія, увѣрился о себѣ, что отъ него токмо зависитъ пріобрѣсть въ драмахъ плющевые вѣнки, подобно другимъ. Сей первой опытъ увѣнчанъ былъ толь блистательнымъ успѣхомъ, что *Ѳлеммій* (племянникъ Архонта *Онолая*), мальчикъ 17 лѣтъ, и (что въ фамиліи *Онолаевой* отнюдъ не было

чрезвычайно), извѣстной повѣса, почувствовалъ непреодолимой зудъ въ своихъ пальцахъ сочинить и самъ *козлю пѣснь*, какъ тогда называлось то, что мы нынѣ браннымъ словомъ обыкновенно именуемъ трагедїею. Съ тѣхъ поръ, какъ Абдера стоитъ на Ѳракїйской землѣ, не видано столь глупаго нацїональнаго произведенїя; но сочинитель былъ племянникъ Архонтовъ, и потому не могъ имѣть недостатковъ. Театръ наполненъ былъ людьми столько, что молодые господчики должны были у прекрасныхъ Абдеритянокъ сидѣть на колѣняхъ; простыежъ люди становились другъ другу на плеча. Всѣ пять актовъ слушали въ безпрерывной тишинѣ и съ ожидані-

данїемЪ, сами не зная чего; зѣвали, вздыхали, осушали потЪ на лбу, потирали глаза, чувствовали скуку и слушали; когдажЪ напослѣдокЪ приближился давно желанной конецЪ, то поднялось толь громкое рукоплесканїе, что нѣкоторые сЪ нѣжными нервами матушкины баловни отЪ того оглохли.

Тогда оказалось, что не великая была мудрость написать трагедїю, потому что даже и молодой Блеммїй смастерилЪ оную. Каждой могЪ столькожЪ довѣрять себѣ, не нарушая скромности. КЪ чести фамилїи служило, когда каждой хорошїй домЪ могЪ похвалиться по крайней мѣрѣ однимЪ сыномЪ, племянни-

комЪ, зятемЪ или сватомЪ, которой вЪ національной театрЪ подарилЪ комедію, или козлю-пѣснь, или по крайней мѣрѣ какую нибудь игру сЪ пѣснями. Сколь велика сія заслуга была по внутренней своей добротѣ, о томЪ никто не думалЪ; хорошее, посредственное, худое мѣшалось у нихЪ безЪ разбору. Для защищенія худой піесы не нужно было подниматься на хитрости. Одна учтивость стоила другой. И поелику зрители всѣ имѣли ослиныя уши: то никому не вспадало на мысли, другому auriculas asini Mida rex habet прошептать на ухо.

Легко себѣ представить можно, что *искусство* при сей терпимости пріобрѣло не

мно-

много успѣховъ. Но какая была нужда Абдеритамъ утѣшаться искусствомъ? Довольно, что для спокойствїя ихъ города и удовольствїя любителей театра полезно было, заниматься таковыми предметами мирно и тихо. Вотъ, обыкновенно говаривалъ Архонтъ *Онолай*, сколь важно, умѣючи приняться за дѣло. Театръ, которой въ Аѳинахъ ежеминутно производитъ жесточайшїя ссоры, въ Абдерѣ есть узломъ всеобщаго добраго согласїя, и самымъ невиннымъ препровожденїемъ времени. Пойдешь въ комедїю, позабавишься тѣмъ или другимъ образомъ, или послушаешь, или поболтаешь съ своею сосѣдкою, или задремлешь и заснешь, какъ кому угодно;

по томъ захлопаютъ въ ладоши, каждой идетъ съ удовольствїемъ домой, и добра ночь!

Сказанное нами выше сего, что Абдериты театромъ своимъ были весьма озабочены, и въ компанїяхъ почти ни о чемъ болѣе, кромѣ комедїи, не говорили, было такъ въ самомъ дѣлѣ. Но сїи разговоры о театральныхъ пїесахъ, представленїяхъ и дѣйствующихъ лицахъ происходили не для того, чтобъ изслѣдовать, было ли что въ нихъ въ самомъ дѣлѣ одобренїя достойно или нѣтъ. Ибо, чтобъ предметъ какой понравился имъ или нѣтъ, это, по ихъ мнѣнїю, зависѣло только *отъ собственной ихъ воли*; и, какъ сказано, они молча между собою

бою согласились, *ободрять* отечественныя свои драмматическія мануфактуры. „Весьма очевидно, (говорили они) какая отъ того польза, когда гдѣ искусства ободряются. Еще за дватцать лѣтъ предъ симъ имѣли мы едва двухъ или трехъ стихотворцовъ, о которыхъ никто и не вѣдалъ, кромѣ какъ въ день рожденія и свадебъ; теперь же лѣтъ съ десять или двенатцать, имѣя собственной театръ, можемъ мы показать уже болѣе 600 піесъ, считая большія и малыя, кои всѣ произрасли на Абдерской землѣ и въ Абдерскомъ климатѣ.„

И такъ, когда они болтали о своихъ зрѣлищахъ, то сіе было единственно для

того, чтобъ другъ друга спросить, *хороша* ли на примѣръ была вчерашняя пїеса? и отвѣчать другъ другу, что она была *прекрасна*; — въ какое новое платье одѣта была актриса, представлявшая Ифигенїю или Андромаху. Таковое вступленїе подавало случай къ тысячѣ малыхъ занимательныхъ замѣчанїй, и разговоровъ объ уборкѣ, голосѣ, осанкѣ, походкѣ, движенїи головы и рукъ, и о многомъ сему подобномъ въ представлявшихъ лицахъ. Между тѣмъ заходила рѣчь и о самой пїесѣ, равно какъ о музыкѣ и *словахъ*, (которыя поэзїею первой назывались), то есть, каждой говорилъ, что ему лучше или менѣе всего нравилось; превозносили отмѣн-

мѣнно трогательныя и *высокія* мѣста; опорочивали индѣ *выраженіе*, *низкое слово* или *мысль*, которую находили необыкновенною или соблазнительною. Однакожъ критика и пересуды всегда оканчивались Абдеритскою поговоркою: *при всемъ томъ піеса прекрасная и заключаетъ въ себѣ много нравоучительнаго, очень много!* говаривалъ въ добавокъ *толстопузой Совѣтникъ*, хотя всегда случалось, что піесы, выхваляемыя за отмѣнное въ нихъ нравоученіе, содержали въ себѣ совсѣмъ тому противное.

Можетъ быть подумаетъ кто, что когда особливыя причины, по которымъ въ Абдерѣ ободряемы были всѣ свои

театральныя сочиненія безъ разбору доброты и достоинства, не могли имѣть мѣста въ сочиненіяхъ *чужестраныхъ*, то по крайней мѣрѣ великая разность Аѳинскихъ театральныхъ писателей, разстояніе Астидама отъ Софокла помогли бы сколько нибудь къ *поправленію ихъ вкуса*, и къ показанію имъ различія между тѣмъ, что хорошо и что худо, что превосходно и посредственно — а особливо къ показанію безмѣрнаго различія между природною способностію или только натяжкою и смѣшнымъ подражаніемъ, между прямою, ровною и твердою выступкою настоящаго мастера и обезьянствомъ въ походкѣ. Но вопервыхъ вкусъ есть такая вещь, которой безъ природ-

роднаго расположенія, безъ нѣкоторой *тонкости душевнаго органа, коимъ мы вкушаемъ*, никакимъ искусствомъ и по наукѣ получить не льзя, и мы сначала сей исторіи уже замѣтили, что природа, какъ казалось, совсѣмъ не надѣлила ихъ симъ расположеніемъ. Имъ все нравилось. На столахъ ихъ лежали примѣрныя произведенія ума и остроты на ряду съ пометами безмозглыхъ головъ, и наемными работами самыхъ несмысленныхъ писакъ. Въ такихъ дѣлахъ можно было водить ихъ, какъ кому хотѣлось, и ничего не было легче, какъ Абдерита увѣрить, что парящая ода Пиндарова есть первый опытъ ученика, и на оборотъ слова безъ чувствъ и мыслей, лишь

бы

бы только имѣли покрой пѣсни въ строфахъ и антистрофахъ, есть произведенiе Пиндара. А потому при каждой новой пiесѣ, попадавшейся имъ въ глаза, происходилъ всегда первой вопросъ, чья? — И тысяча примѣровъ встрѣчалась, что они къ самому превосходному творенiю оставались равнодушными до тѣхъ поръ, пока не узнали, что оное принадлежитъ какому либо славному имени.

Къ сему присовокупилось еще и то обстоятельство, что *Номофилаксъ Гриллъ*, имѣя въ заведенiи Абдеритскаго нацiональнаго театра наиболѣе участiя, и будучи главнымъ надъ онымъ смотрителемъ, искалъ права быть въ свое время великимъ знатокомъ

комъ и первымъ сочинителемъ музыки — права, которому Абдериты изъ учтивости тѣмъ менѣе что либо противополагали, поелику онъ былъ весьма *снисходителенъ и благопривѣтливъ*, и поелику все его мастерство состояло въ небольшемъ числѣ *пѣсенныхъ* или *голосныхъ колѣнъ*, кои ко всякимъ словамъ подобрать было можно, и потому не было ничего легче, какъ затвердить наизустъ складъ его пѣсенъ.

Свойство, которымъ Г. *Гриллъ* наипаче гордился, состояло въ *проворствѣ* сочинять. „ Ну, какъ вамъ нравится моя *Ифигенія*, *Гекуба* и *Алцестида*, или чтобы такое ни было, а „? — Прекрасно, Г. Номофилаксъ! — „ Посмотри ка-

какая плавность! Не такъ ли, а! и долго ли, думаете вы трудился я надъ тѣмъ? – Перечтите ка! — Сегодня у насъ 13 е число —? Четвертаго поутру въ 5 часовъ — вы знаете, что я встаю рано — сѣлъ я, и началъ — а вчера точь въ точь въ 10 часовъ предъ обѣдомъ провелъ послѣднюю черту! — Ну теперь смекните, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, — составляютъ, какъ видите, еще не полные 9 дней, въ томъ числѣ два, когда я засѣдалъ въ Совѣтѣ, и не помню два или три дни, когда я отозванъ былъ въ гости, не считая другихъ работъ. — Что вы на это скажете? Не значитъ ли это присѣсть не даромъ? Не въ похвальбу сказать, я объ закладъ ударюсь, что ни одинъ

со-

сочинитель во всей Европейской и Азїатской Грецїи не отдѣлаетъ пїесы скорѣе моего! и что я имѣю къ тому дарованїе, не правда ли?,, — Мы надѣемся, что Читатели наши видятъ теперь его предъ глазами; и ежели они нѣсколько расположены къ музыкѣ, то вѣрно представится имъ, что будтобъ они уже слышали, какъ онъ проигрываетъ всѣ свои ноты на Ифигенїю, Гекубу и Алцестиду.

Кромѣ того сей великой мужъ имѣлъ еще малую слабость, что не могъ никакой музыки хорошо придумать, кромѣ — своей собственной. Ни одинъ изъ самыхъ лучшихъ сочинителей въ Аѳинахъ, Ѳивахъ, Коринѳѣ и проч. не могли притти ему по мысли.

Са-

Самаго славнаго Дамона, которой остроумнымъ, нѣжнымъ и трогательнымъ сочиненїемъ своимъ плѣнялъ, внѣ Абдеры, всякаго имѣвшаго душу, называлъ онъ между короткими друзьями своими потѣхою токмо *грубаго слуха ослинаго.* При таковомъ образѣ мыслей, и по той ловкости, съ какою онъ принимался за свое дѣло, положилъ онъ въ немногїе годы музыку болѣе нежели на 60 пiесъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ театральныхъ сочинителей Аѳинскихъ: — ибо нацїональныя Абдеритскїя произведенїя препоручалъ онъ большею частїю своимъ ученикамъ и подражателямъ, довольствуясь токмо пересматриванїемъ ихъ работъ. Правда, выборъ его, какъ догадать-

даться можно, простираяся не всегда до самыхъ лучшихъ творенiй; но по крайней мѣрѣ до половины смѣшныхъ подражанiй Эсхилу, или нелѣпыхъ и площадныхъ игрищъ, кои самими сочинителями ихъ назначены были единственно для увеселенiя подлой черни. Однако довольно было, что оныя *переложены* были *на гол съ* градскимъ старѣйшиною *Номофилаксомъ*; и потому изо всей мочи сопровождаемы были рукоплесканiемъ; и хотя при частомъ повторенiи ихъ зрители зѣвали и отворяли ротъ до ушей, однакожъ по выходѣ увѣряли другъ друга, что пiеса и музыка была прекрасная.

Такимъ образомъ въ сихъ *Греческихъ обезьянахъ* соеди-

нилось все, чтобъ не токмо произвести Механическое хладнокровіе ко всѣмъ родамъ и степенямъ изящнаго, но и къ самому внутреннему различію между тѣмъ, что превосходно и низко, которымъ хладнокровіемъ, такъ какъ *неизмѣняемымъ народнымъ характеромъ*, отличились Абдериты отъ всѣхъ прочихъ просвѣщенныхъ народовъ земнаго шара, и которое хладнокровіе учинилось рѣдкимъ потому наипаче, что оставило однакожъ въ нихъ способность трогаться иногда дѣйствительно изящнымъ, хотя весьма странно, — какъ вскорѣ изъ одного достопамятнаго примѣра усмотрѣть будетъ можно.

ГЛАВА III.

Дополненіе къ ученой исторіи Абдеритовъ, извѣстія о первыхъ ихъ театральныхъ писателяхъ Иперболѣ, Параспазмѣ, Антифилѣ и Глапсѣ.

При всемъ таковомъ видимомъ равнодушіи, терпимости, безчувственности, чрезмѣрной чувствительности, или какъ бы то ни называлось, не должны мы однакожъ представлять себѣ Абдеритовъ людьми *безо всякаго вкуса.* Ибо они пять чувствъ своихъ имѣли сполна; и хотя, по вышепомянутымъ обстоятельствамъ, *все* для нихъ казалось *довольно хорошо*, однако, по мнѣнію ихъ, одно казалось имъ *лучше* другаго; и такимъ образомъ имѣли они *любимыя свои пiесы* и *люби-*

мыхъ писателей подобно другимъ людямъ.

Въ то время, какъ они нѣсколько раздосадованы были врачемъ Иппократомъ, между нарочитымъ числомъ театральныхъ сочинителей, коихъ ремесло въ томъ и состояло, — не включая тѣхъ, кои писали *по своей волѣ*, — пользовались двое отлично предъ другими благосклонностїю Абдеритской публики. Одинъ сочинялъ трагедїи и нѣкоторой родъ творенїй, называемыхъ нынѣ *комическими операми*; другой, по имени Тлапсъ, держался средины, такъ что прѣсныя сочиненїя его, коихъ онъ былъ первымъ изобрѣтателемъ, ни смѣяться ни плакать не заста-

ставляли, и по имени его слыли *Глапседіями*.

Первой былъ самой тотъ Иперболъ, о которомъ еще въ началѣ сей, столькожъ истинной, сколько правдоподобной исторіи, упомянуто, какъ о славнѣйшемъ между всѣми Абдеритскими писателями. Правда, онъ отличилъ себя и въ прочихъ родахъ сочиненій; ибо чрезвычайное пристрастіе къ нему его соотчичей отдавало ему во всѣхъ оныхъ честь; и по сему-то преимуществу снискалъ онъ высокопарное прозваніе *Ипербола*; ибо по поколѣнію своему назывался онъ Гегезіемъ. Причина, для чего онъ столь отмѣнное составилъ себѣ щастіе у Абдеритовъ, была весьма натуральная — то

есть, та самая, для коей онъ и его творенія въ каждомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Абдеры, были бы освистаны. Онъ изъ всѣхъ ихъ писателей былъ тотъ, въ которомъ весьма живо представлялся духъ Абдерской, со всѣми свойствами и разностями отъ лучшихъ видовъ, размѣровъ и рисунковъ человѣчества — тотъ, къ которому всѣ прочїе чувствовали наиболѣе симпатїи — которой всегда дѣлалъ точь въ точь, какъ бы и они то сдѣлали — ловилъ у нихъ слова изъ устъ — всегда попадалъ на тѣ мѣста, гдѣ они могли приходить въ восторгъ — кратко сказать, былъ сочинитель по ихъ мысли и сердцу; не по чрезвычайной остротѣ, или по особен-

бенному упражненію, но единственно по тому, что онъ между всѣми своими братіями въ Марсіасѣ былъ наиболѣе — Абдеритъ. Въ разсужденіи его можно было положиться смѣло, что точка зрѣнія, изъ которой онъ на предметъ смотрѣлъ, была всегда самая косвенная, изъ какой на него смотрѣть было можно; что онъ всякой разъ между двумя вещами тамъ находилъ сходство, гдѣ была существенная разность; тамъ имѣлъ важное лице, гдѣ разумной человѣкъ смѣялся бы, и тамъ смѣялся, гдѣ токмо Абдериту сіе было прилично, и проч. Преисполненъ будучи толико Абдеритскаго духа, могъ онъ натурально быть всѣмъ, чѣмъ хотѣлъ. Онъ былъ ихъ Анакреонтомъ, Ал-

щеемъ, ихъ Пиндаромъ, Эсхи-
ломъ, Аристофаномъ, и съ
недавнаго времени трудился
онъ надъ великою *Героическою
поэмою*, въ сорока осьми пѣс-
няхъ, подъ именемъ *Абдеріа-
ды* — къ великой радости
всего Абдеритскаго народа!
„Ибо, говорили они, только
одного Гомера у насъ еще
нѣтъ; когдажъ Иперболъ окон-
читъ свою Абдеріаду, то мы
въ его твореніи Иліаду и
Одиссею будемъ имѣть вмѣ-
стѣ; и тогда пускай придутъ
другіе Греки, и посмотрятъ
на насъ съ презрѣніемъ, еже-
ли есть въ нихъ столько му-
жества! Пусть они тогда
покажутъ намъ того, кото-
рому бы мы не могли противу-
поставить кого нибудь съ на-
шей стороны!„ —

Ме-

Между тѣмъ сочиненіе трагедій была собственная часть Иперболова. Онъ издалъ ихъ до ста двадцати (уповательно *считая большія и малыя*) — Сіе одно обстоятельство долженствовало уже отдать ему чрезвычайное преимущество въ такомъ народѣ, которой во всѣхъ вещахъ смотрѣлъ токмо на *число* и *огромность*. Ибо изъ всѣхъ его совмѣстниковъ никто не могъ написать и третьей доли. Не смотря на то, что Абдериты за надутой слогъ его обыкновенно называли *своимъ Эсхиломъ*, гордился онъ не мало и самъ своею *оригинальностію*. Покажи мнѣ, говорилъ онъ, какой нибудь характеръ, мысль, мнѣніе, выраженіе во всѣхъ сочине-

неніяхЪ моихЪ, которыябЪ я заимствовалЪ изЪ другихЪ! — *или изъ природы*, примолвилЪ *Демокритъ* — „О! „(вскричалЪ Ипербол) что до „сего принадлежитЪ, то я „могу уступить вамЪ, ничего „притомЪ не теряя. При„рода! природа! Сіи господа „все мелютЪ о природѣ, и „не знаютЪ наконецЪ сами, „чего хотятЪ. Простая при„рода — такЪ какЪ вы ду„маете — принадлежитЪ вЪ „комедію, вЪ *шуточную піе„су*, *въ тлапседію*, когда „вамЪ угодно! Но трагедія „должна простираться *выше* „*природы*, или я не дамЪ „за нее и пустаго орѣха.„ Его трагедіи были вЪ совершенномЪ смыслѣ таковы. Подобно *дѣйствующимъ его лицамъ*

цамъ никто такого виду не имѣлъ, никто такъ не чувствовалъ, не думалъ, не говорилъ и не поступалъ. Но сего-то Абдериты и желали — и по сей-то причинѣ, изо всѣхъ чужихъ писателей уважали они наименѣе *Софокла*. „Ежели сказать откро„венно, какъ я думаю„, говорилъ однажды Иперболъ въ одной знатной компанiи, гдѣ объ оной матерiи разсуждаемо было прямо по Абдеритски: — „то я не „могъ никогда понять, что бы „въ Эдиппѣ или Электрѣ Со„фокловой, а особливо, что „бы въ *его Филоктетѣ* было „столько чрезвычайнаго? По„истиннѣ далеко ему тягать„ся до того, чтобъ быть пре„емникомъ и подражателемъ

„та-

„ такому высокому писателю,
„ каковъ Эсхилъ. *Правда, Аѳин-
„ скихъ учтивыхъ обрядовъ я*
„ въ немъ не оспориваю! обря-
„ довъ сколько вамъ угодно!
„ Но гдѣ пылающій огонь, мол-
„ ніеносныя мысли, громовые
„ удары, крутой и порывистой
„ вихрь: — кратко сказать,
„ гдѣ гигантская сила, орли-
„ ное пареніе, свирѣпость льво-
„ ва, буря, трескъ и ломъ,
„ кои составляютъ истиннаго
„ трагическаго писателя?„
Вотъ что называется мастер-
ски, и разумѣя говорить о ве-
щи, сказалъ одинъ въ компаніи.
— О! въ такихъ дѣлахъ поло-
житесь на судъ Иперболовъ
(вскричалъ другой); какъ ужъ
ему этова не разумѣть! — Онъ
сочинилъ 120 трагедій, шеп-
нула одна Абдеритянка нѣ-

ко-

которому чужестранцу на ухо; онъ первой театральной писатель въ Абдерѣ!

Между тѣмъ изо всѣхъ его совмѣстниковъ, учениковъ и подражателей удалось однакожъ двоимъ поколебать его на трагическомъ тронѣ, на которой онъ возведенъ былъ всеобщею похвалою. — Одному чрезъ пїесу, въ которой *герой* еще въ первомъ явленїи перваго дѣйствїя *умерщвляетъ* своего *отца*, во второмъ *женится на родной своей сестрѣ*, въ третьемъ открываетъ, *что онъ прижилъ ее съ матерью своею*, въ четвертомъ *самъ себѣ обрѣзываетъ уши и носъ*, и въ пятомъ *отравивъ матъ и удушивъ сестру*, *при сверкающей мол-*

молнїи и гремящемъ громѣ влечется фурїями въ адъ. Другому чрезъ *Нїобу*, гдѣ кромѣ множества восклицанїй Ω! Ω! Αι, Αι! Φεῦ, Φεῦ, и Ελελελεῦ, и нѣкоторыхъ богохульствъ, отъ которыхъ у слушателей волосы дыбомъ становились, вся пїеса состояла въ одномъ токмо *дѣйствованїи* и *въ пантомимахъ*. Оба сїи произведенїя ума во время представленїя трогали чрезвычайно. Никогда въ продолженїи трехъ часовъ не наплакано было столь много платковъ полныхъ слезъ, съ тѣхъ поръ какъ Абдера существовала. Нѣтъ мочи, говорили всхлипывая прекрасныя Абдеритянки — нещастной Принцъ! какъ онъ рыдалъ! какъ валялся по землѣ! И рѣчь,

которую онъ говорилъ, обрѣзавши себѣ носъ, вскричала другая, — и фуріи, фуріи, твердила третья — я недѣли съ четыре не могла отъ нихъ сомкнуть глазъ. — Ужасть, признаюсь въ томъ, сказала четвертая; но бѣдная *Ніоба*! съ какимъ видомъ стоитъ она среди трепещущихся на землѣ дѣтей своихъ, какъ рветъ на себѣ волосы, покрываетъ ими дымящіеся трупы, потомъ повергается на нихъ сама, желая возвратить имъ жизнь, вдругъ вскакиваетъ опять въ отчаяніи, оборачиваетъ бѣгло сверкающіе глаза свои, послѣ того собственными ногтями своими раздираетъ себѣ грудь, и омоченныя въ крови руки при ужасныхъ проклинаніяхъ поднимаетъ къ небу.

Нѣтъ,

— Нѣтъ, такихъ *трогатель-ныхъ* картинъ еще никогда не видано. Какому человѣку надобно быть *Параспазму*, чтобъ онъ имѣлъ довольно *силъ* вывести на театръ такую сцену! — Ну, что принадлежитъ до силъ, сказала прекрасная *Салабанда*, о томъ не всегда можно заключать безъ ошибки. Я сомнѣваюсь, чтобъ *Параспазмъ* сдержалъ все то, что онъ повидимому обѣщаетъ; великіе хвастуны, худые бойцы. — Прекрасная Салабанда извѣстна была какъ такая женщина, которая подобное сему говорила не безъ довольной причины. — Сіе одно обстоятельство произвело столь много, что Ніоба *Параспазмова* при второмъ представленіи не имѣла уже и половины

пре-

прежняго дѣйствія, и самъ сочинитель въ послѣдствіи не могъ опять подняться отъ удара, нанесеннаго Салабандою однимъ токмо словомъ въ воображеніи Абдеритянокъ.

При всемъ томъ онъ и пріятель его *Антифилъ* удержали навсегда за собою ту честь, что трагедію въ Абдерѣ представили въ новомъ вкусѣ, и были изобрѣтателями двухъ новыхъ оныя родовъ, трагедіи *умоизступительной и превращенной въ пантомимы*, открывъ Абдеритскимъ писателямъ путь, на которомъ тѣмъ вѣрнѣе было пожинать лавры, чѣмъ въ основаніи всего легче — пугать дѣтей, и героевъ выставлять такихъ, кои отъ сильнаго жа-

ру — не могутъ выговорить ни слова.

Но какъ человѣческое непостоянство скоро насыщается тѣмъ, что по новости своей было весьма пріятно, то и Абдериты прискучили, всякой день находить то прекраснымъ, что въ самомъ дѣлѣ уже давно причиняло имъ весьма мало удовольствія; особливо, когда одному молодому писателю вспало на умъ, вывесть на театръ такія піесы, которыя не походили ни на комедіи, ни на трагедіи, ни на игрища, но составляли нѣкой родъ живыхъ Абдеритскихъ *картинъ семейства*; гдѣ выступали ни герои, ни дураки, но сущіе доморощеные Абдериты, отпра-

правляли ежедневныя свои городскія, площадныя, домашнія и фамильныя дѣла, и предъ почтенными зрителями точно такъ дѣйствовали и говорили, какъ будтобъ они были на театрѣ у себя дома, и кромѣ ихъ никого въ свѣтѣ не существовало. Изъ сего видѣть можно, что оныя изобрѣтенія были почти такіяжъ, какими *Менандръ* въ послѣдствіи времени весьма прославился. Разность состояла только въ томъ, что сей вывелъ на позорище *Аѳинянъ*, а первой *Абдеритовъ*; и что одинъ былъ *Менандръ*, а другой *Тлапсъ*. Но какъ сія разность Абдеритовъ ни мало не тревожила, или паче служила въ пользу Тлапсову:

то первое его творенїе (*) въ семъ родѣ принято было съ такимъ восхищенїемъ, каковому примѣра еще не видано. Добренькїе Абдериты увидѣли сами себя въ первой разъ на театрѣ въ натуральномъ видѣ (in puris Naturalibus), безъ прикрасъ, безъ ходуль, безъ львиной кожи, безъ булавы, скипетра и дїадимы, какъ они обыкновенно одѣваются по домашнему, какъ между собою разглагольству-

(*) Подъ названїемъ *Евгамїи, или невѣсты до четырехъ разъ.* Евгамїя отъ отца своего помолвлена была за одного жениха, отъ матери за другаго, и отъ тетки, съ обѣщанїемъ наслѣдства, за третьяго. Напослѣдокъ кончилось тѣмъ, что нетерпѣливая дѣвушка не дождавшись, по тихоньку сама собою пожертвовала четвертому.

ствуютъ, какъ по природному свойственному имъ Абдеритскому манеру живутъ, ѣдятъ, пьютъ, сватаются и проч., что имъ наипаче понравилось. Они уподоблялись молодой дѣвушкѣ, усмотрѣвшей въ первой разъ себя въ зеркалѣ, и не могли довольно наглядѣться. Четверная невѣста была играна сорокъ разъ сряду, и долго Абдериты не хотѣли ничѣмъ увеселяться, кромѣ *Тлапсердій*. Тлапсъ, которой въ сочиненіи не такъ былъ проворенъ, какъ великій Иперболъ и Номофилаксъ *Гриллъ*, не могъ піесъ наготовить. Но какъ онъ далъ своимъ собратіямъ тонъ, то не имѣлъ недостатка въ подражателяхъ. Всѣ ударились въ но-

 вой

вой родЪ сочиненія; и менѣе, нежели вЪ три года, вычерпаны были всѣ источники содержанія и названія для Тлапседій, такЪ что вЪ самомЪ дѣлѣ жалко было смотрѣть на бѣдныхЪ сочинителей, какЪ они натуживались и потѣли, дабы изЪ губки, уже до нихЪ толь многими выжатой, достать еще хотя каплю мутной воды.

За симЪ естественно слѣдовало то, что всѣ вещи пришли опять вЪ надлежащее равновѣсіе. Абдериты, какЪ сродно почти всѣмЪ людямЪ, питая сначала кЪ каждому новому роду театральныхЪ твореній отличную склонность, нашли наконецЪ, что лучше будетЪ, когда они скуку прогонять станутЪ перемѣною

и разностію. Почему трагедіи, обыкновенныя, съ бѣснующимися ролями, представляемыя въ пантомимахъ, комедіи, оперы, игрища, опять введены были въ употребленіе; *Номофилаксъ* перекладывалъ трагедіи Эврипидовы на музыку; а Иперболъ (особливо по тому, что планъ сдѣлаться *Абдеритскимъ Гомеромъ* не выходилъ у него изъ головы), согласился наконецъ, когда пособить было нѣчемъ, дѣлить отмѣнную благосклонность Абдерскаго партера съ Тлапсомъ, тѣмъ паче, что сей по причинѣ женидьбы на племянницѣ главнаго цеховаго мастера не давно сдѣлался важною особою.

ГЛАВА IV.

Достопамятный примѣръ добраго порядка въ государственной экономіи Абдеритовъ. Конецъ сдѣланнаго мимоходомъ замѣчанія объ ихъ театрѣ.

Прежде нежели мы отъ сего посторонняго описанія возвратимся къ продолженію нашей исторіи, нужно будетъ благосклоннаго Читателя вывести изъ малаго сомнѣнія, встрѣтившагося ему можетъ быть во время предъидущей краткой оттѣнки Абдеритскаго театра.

Не льзя понять, скажутъ намъ, какъ казначейство въ Абдерѣ, котораго доходы весьма не велики были, могло долго употреблять толь знатныя постороннія издерж-

ки,

ки, каковыхъ требуетъ ежедневной спектакль со всѣми своими принадлежностями, положимъ, что писатели трудились безъ платы и безъ найму, по истинной любви къ отечеству, или для единой чести. Естьли принять сїе послѣднее, то едва ли повѣрить можно, чтобъ въ Абдерѣ по ремеслу находилось толь много театральныхъ писателей, и чтобъ великїй Иперболъ со всею своею любовїю къ отечеству и корыстолюбїемъ сколотилъ до 120 драмматическихъ творенїй.

И такъ, дабы безъ нужды не задерживать благосклоннаго Читателя нашего, то мы тотчасъ признаемся откровенно — что театральные Поэты ихъ отнюдь не работали

тали даромъ, (ибо главной законъ: „*да не заградиши устенъ вола молотяща*!„ есть законъ естественный, котораго всеобщую обязательность и Абдериты чувствовали), и что, по особому распоряженїю доходовъ, городовое казначейство по причинѣ театра не употребляло никакихъ вновь издержекъ, но иждивенїе на то сберегаемо было въ другихъ *нужнѣйшихъ* и *полезнѣйшихъ статьяхъ*.

Обстоятельства сего дѣла были слѣдующїя. Какъ скоро покровители театра усмотрѣли, что Абдериты воспламенились благороднымъ жаромъ, и зрѣлища сдѣлались для нихъ необходимостїю, то не упустили они представить народу чрезъ цеховыхъ

выхъ мастеровъ, что казна не будетъ соответствовать толь многому приращенію въ издержкахъ безъ новыхъ источниковъ сбора, или безъ сбереженія издержекъ другихъ. По поводу сего назначена была Коммисія, которая въ засѣданіяхъ болѣе, нежели шестидесяти, держанныхъ на жалованьѣ, сочинила планъ къ учрежденію общественнаго театра Абдеритскаго, и когда оной предложенъ былъ наконецъ Совѣту, то найденъ столь основательнымъ и благоизобрѣтеннымъ, что тогдажъ во всеобщемъ собраніи гражданъ включенъ въ *положительные законы* города Абдеры.

Мы почли бы себѣ за удовольствіе, сообщить сіе

при-

примѣрное Абдеритскаго ума произведеніе Читателямъ нашимъ, естьлибъ могли надѣяться, что они довольно будутъ имѣть терпѣнія прочесть оное. Естьлижъ какая либо область пожелаетъ его имѣть: то мы обѣщаемся по учиненномъ требованіи доставить его за одну токмо замѣну Канцелярскихъ расходовъ безденежно. Все, что мы здѣсь сказать можемъ, есть то, что въ силу онаго учрежденія, безъ отягощенія публики опредѣлена была достаточная сумма, чтобъ Абдеритовъ по четыре раза въ недѣлю забавлять спектаклями; равно какъ и по достоинству *вознаграждать* писателей, дѣйствующихъ лицъ, оркестръ, Г. Депутатовъ и

Номо-

Номофилакса; и кромѣ того еще оба нижнія степени зрителей при каждомъ представленіи обдѣлять по укруху хлѣба и по двѣ сушеныхъ смоквы. Единая погрѣшность сего лучшаго учрежденія состояла въ томъ, что члены Коммисіи въ пріемѣ и расходѣ, (въ исправности которыхъ полагались на *извѣстное ихъ проворство*), обочлись 28 тысячами драхмъ (около двухъ тысячь съ половиною талеровъ,) кои казначейство долженствовало заплатить болѣе, нежели сколько содержалось въ опредѣленномъ капиталѣ. Сія ошибка въ расщетѣ конечно была весьма не маловажна; однакожъ Абдеритское начальство пріобыкло съ казною своею обходиться

ся

ся по чистой совѣсти и съ добрымъ довѣріемъ, такъ что нѣсколько протекло лѣтъ, пока примѣчено было, отъ чего происходитъ, что казнохранилище ихъ имѣло ежегодно ущербу до 2500 талеровъ. Какъ наконецъ съ великимъ трудомъ до того добрались, то старѣйшины нашли за нужное о семъ дѣлѣ представить всему народу, и — для *формы* предложить объ уничтоженіи театра. Но Абдериты противъ онаго предложенія поднялись такъ, какъ будтобъ хотѣли лишить ихъ употребленія огня и воды. Кратко сказать, послѣдовало *народное опредѣленіе*, чтобъ недостающіе ежегодно два таланта съ половиною получаемы были изъ общественной

каз-

казны, сберегаемой во храмѣ Латониномъ; и чтобъ тотъ, кто впредь осмѣлится предлагать объ уничтоженiи театра, почитаемъ былъ врагомъ города Абдеры.

И такъ Абдериты были увѣрены, что они дѣло свое распорядили весьма благоразумно, и гордились обыкновенно предъ чужестранцами тѣмъ, что на содержанiе театра ихъ исходитъ каждой годъ по 80 талантовъ (80,000 талеровъ); но что все это гражданству Абдеритскому не стоитъ ни одной полушки. „Все зависитъ отъ хорошаго порядка, говорили они. Но за то имѣемъ мы и свой театръ, какому другаго подобнаго нѣтъ можетъ быть въ свѣтѣ!„ — Это сущая правда,

да, сказалъ *Демокритъ*; таких писателей, такихъ действующихъ лицъ, такой музыки, и въ каждой неделе по четыре раза, за 80 талантовъ! Я по крайней мере не видывалъ того ни въ какомъ другомъ месте.

Мы просимъ Читателей извинить насъ, естьли они симъ всеобщимъ известіемъ о театре Абдеритскомъ были слишкомъ долго задержаны. Шесть часовъ уже било, и такъ мы, безъ околичностей сядемъ въ амфитеатръ сей почтенной республики, где благосклонные Читатели по произволенію поместятся либо при малорословъ толстопузомъ Советнике, либо при жреце Стробиле, либо при врале Антистрепсіаде, либо

воз-

возлѣ какой нибудь изъ прекрасныхъ Абдеритянокъ, съ коими въ предыдущихъ главахъ мы ихъ познакомили.

ГЛАВА V.

Представлена Андромеда Эврипидова. Торжество Номофилаксово, и сколько въ томъ способствовала пѣвица Эзколпія. Замѣчанія о прочихъ дѣйствующихъ лицахъ; хоры и декорація.

Пїеса, сего вечера игранная, была *Андромеда Эврипидова*, одно изъ 60 ти или 70 ти сочиненїй сего стихотворца, коихъ токмо нѣкоторые остатки уцѣлѣли. Абдериты, не зная сами подлинно почему, оказывали къ имени Эврипидову, и ко всему, что

подъ онымъ издавалось, великое уваженіе. Разныя его трагедіи или оперы (какъ ихъ собственно назвать бы надлежало) были уже многократно представлены и всегда *нравились*. Андромеда, одна изъ новѣйшихъ, была выпущена въ первой разъ тогда на Абдеритской театръ. *Номофилаксъ* сочинилъ музыку на оную, и (какъ онъ пріятелямъ своимъ на ухо говаривалъ довольно въ слухъ) превзошелъ на сей разъ себя самаго, то есть, онъ вознамѣрился все свое искусство показать вдругъ, и потому бѣднаго Эврипида не примѣтно совсѣмъ потерялъ изъ виду. Кратко сказать, Г. *Гриллъ* сочинилъ самого себя, не безпокоясь, музыка ли его у словъ

или слова у музыки отнимали смыслъ — о чемъ Абдериты заботились всего менѣе. Довольно того, что она много надѣлала *шуму*; имѣла (по увѣренію его братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ сватовъ, любимцовъ и домашнихъ служителей, всѣхъ ихъ, какъ знатоковъ) весьма *высокія* и *трогательныя* мѣста, и принята съ громкимъ и рѣшительнымъ одобреніемъ. Не по тому, что будтобъ въ Абдерѣ не было даже и такихъ людей, кои, — имѣя слухъ, можетъ быть, нѣсколько потонѣе, нежели ихъ сограждане, или слышавъ индѣ что нибудь лучшее, — не признавались одинъ другому между четырехъ глазъ, что Номофилаксъ, при всей натужности его сдѣлаться Орфе-

 емъ,

ей, былъ токмо гудошникъ, и самое превосходное его въ музыкѣ сочиненїе была смѣсь безъ вкусу, и по большей части безъ толку. Но поелику сїи немногїе отважась болтать въ публикѣ объ оной ереси своей, встрѣчаемы были каждой разъ отъ почитателей *Грилловой музы* весьма худо, то для спасенїя себя нашли за благо *покориться большинству голосовъ*; и такимъ образомъ всегда — при самыхъ нескладныхъ мѣстахъ — прежде и громче всѣхъ били въ ладоши.

Оркестръ въ семъ случаѣ употреблялъ всѣ силы свои, дабы учиниться достойнымъ главнаго своего руководителя. „*Много далъ я вамъ работы*„ говорилъ Гриллъ, и по-

повидимому весьма гордился тѣмъ, что бѣдные люди уже во второмъ актѣ не имѣли ни одной сухой нитки на тѣлѣ.

Мимоходомъ сказать надобно, что оркестръ былъ одно изъ тѣхъ заведенiй, въ которомъ Абдериты не хотѣли уступить всѣмъ городамъ въ свѣтѣ. Всякому чужестранцу говорили они вопервыхъ, что оной состоитъ изо ста дватцати музыкантовъ. Аѳинской, такъ прибавляли они обыкновенно съ уничижительнымъ тономъ, простирается только до восьмидесяти человѣкъ, но со сто дватцатью можно конечно сдѣлать что нибудь. Правда, между толь многими не было недостатка въ людяхъ способ-

 ныхъ,

ныхъ, по крайней мѣрѣ въ такихъ, изъ которыхъ хорошій капельмейстеръ, — каковымъ въ Абдерѣ никто не былъ, да и быть не могъ, сдѣлалъ бы что нибудь. Но какаябъ произошла отъ того польза для ихъ музыки? Въ Совѣтѣ боговъ опредѣлено было, чтобъ въ Аѳинахъ Ѳракійскихъ ничего не было на своемъ мѣстѣ, ничего соотвѣтственнаго своей цѣли, ничего въ *надлежащемъ* и *полномъ* видѣ. Поелику музыкантамъ за труды ихъ платили мало, то и не хотѣли много отъ нихъ требовать; и поелику каждымъ были довольны, кто дѣлалъ *по возможности* (такъ какъ они называли), то *никто* по возможности своей и не дѣлалъ. Способные люди ста-

становились нерадивыми, и кто находился еще на половинѣ пути, терялъ бодрость, а наконецъ и таланты къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Да на что было имъ и стараться о *совершенствѣ*, когда они трудились для ушей Абдеритскихъ? Хотя пребывавшіе тамъ чужестранцы имѣли слухъ, однако они не могли подать своего голоса; да и не находили стоющимъ труда, или не хотѣли изъ учтивости и политики вооружаться противъ вкуса Абдеритскаго. Номофилаксъ, сколь ни глупъ былъ, замѣчалъ самъ, такъ какъ другіе, что дѣло его шло не такъ хорошо, какъ бы должно было. Но кромѣ того, что онъ не имѣлъ чувства къ пріятному, или

(что все равно) не обрѣталъ вкуса въ томъ, чего самъ не сварилъ, и такимъ образомъ никогда не попадалъ на прямыя средства, которыми бы свои недостатки поправить могъ, — былъ столько безпеченъ и упрямъ, что не хотѣлъ воспользоваться совѣтами другихъ. Хотя онъ наконецъ удовольствовался тѣмъ, что, когда звукъ его пѣсенъ (какъ-то иногда случалось) разнилъ даже въ ушахъ Абдеритовъ, могъ слагать вину на оркестръ, и увѣрять кавалеровъ и дамъ, которые ему честь отдавали, что нота не такъ выражена, какъ онъ объ ней думалъ и ее написалъ. Однако сїя оговорка всегда употребляема была токмо въ нужномъ случаѣ.

Ибо по презрительному тону, съ какимъ говаривалъ онъ обыкновенно о всѣхъ другихъ оркестрахъ, и по заслугамъ, кои онъ себѣ присвоивалъ въ разсужденіи Абдеритскаго, должно было заключить, что онъ тѣмъ столько любовался, — сколько патріотически расположенному Номофилаксу приличествовало.

Но какъ худо музыка на Андромеду ни сочинена была, однакожъ за подлинно извѣстно то, что давно ни одна піеса столько всѣмъ не нравилась. Пѣвцу, представлявшему *Персея*, захлопали столь сильно въ ладоши, что онъ среди прекрасной сцены сбился съ своего тона и попалъ на одно мѣсто изъ *Циклопа*. *Андромеда* — въ сце-

мѣ, гдѣ она будучи прикована къ каменной горѣ, оставлена отъ всѣхъ друзей своихъ, и подвержена гнѣву Нереидъ, ожидаетъ въ страхѣ появленія изъ моря чудовища — должна была монологъ свой повторить три раза. Номофилаксъ не могъ нарадоваться толь блистательному успѣху. Онъ переходилъ изъ одного ряду въ другой для собранія дани похвалъ, которыя во всѣхъ устахъ раздавались ему громогласно; и среди увѣренія, что ему дѣлаютъ слишкомъ много чести, признавался, что онъ самъ ни одной изъ своихъ игрушекъ, (какъ онъ изъ скромности называлъ свое рукодѣліе) такъ не доволенъ, какъ сею Андромедою.

Ме-

Между тѣмъ, дабы отдать справедливость самому себѣ и также Абдеритамъ, долженствовалъ бы онъ по крайней мѣрѣ половину щастливаго успѣха приписать пѣвицѣ *Эвколпїѣ*, которая хотя и такъ уже имѣла дарованїе нравиться, но въ ролѣ Андромединой нашла случай, показать себя столь отличною, что молодые господчики и пожилые старики Абдеритскїе — не могли на нее довольно насмотрѣться. Ибо тогда для зрѣнїя столь было много, что о *слухѣ* нѣчего было и думать. *Эвколпїя* была высока ростомъ и дородна собою — хотя по тому самому и грубѣе, нежели требовалось для красавицы въ Аѳинахъ — однако Абдериты

въ

въ семъ случаѣ, такъ какъ во многихъ другихъ, были сущïе *Ѳракïяне*; и дѣвка, изъ которой рѣщикъ *Сицïонской* составилъ бы двѣ, казалась по принятому ими размѣру удивительнымъ изображенïемъ Нимфы. Поелику Андромедѣ надлежало *быть* одѣтой весьма слегка, то *Эвколпïя*, знавшая довольно, въ чемъ собственно состоитъ сила ея очарованïя, изобрѣла такое розовое платье, подъ которымъ не оскорбляя весьма благопристойности, терялось для зрителей мало или ничего изъ тѣхъ прелестей, коимъ въ ней удивлялись. При всемъ томъ она умѣла хорошо пѣть. Хотя бы складъ музыки, естьли можно, былъ еще нелѣпѣе, и игра оной еще

еще въ десять кратъ погрѣшительнѣе, то и тогда бы она должна была повторять свой монологъ, поелику сїе служило благовиднымъ предлогомъ къ тому, чтобъ ее тѣмъ болѣе — осязать любострастными глазами. Подлинно, клянусь Юпитеромъ, прекрасная пїеса, говорилъ одинъ другому съ полузакрытыми глазами; несравненная пїеса! Не чувствуете ли вы, что Эвколпїя поетъ сегодня божественно? — „О! безпримѣрно, безподобно! Увѣряю васъ *Анубисомъ*! не иначе, какъ будтобъ Эврипидъ всю пїесу для нее одной сдѣлалъ!„ — Молодой господчикъ, которой говорилъ сїе, божился обыкновенно Анубисомъ, дабы пока-

казать, что онъ былъ въ Египтѣ.

Дамы, какъ легко отгадать можно, нашли новую Андромеду, совсѣмъ не такъ удивительною, какъ мущины. —„ Не худо! изрядно! говорили онѣ; но для чего роли на сей разъ раздѣлены на изворотъ? Пiеса потеряла чрезъ то много. Роли должно бы было перемѣнить, такъ чтобъ *толстая Эвколпiя* представляла лице матери. Для *Кассiопеи* она годилась бы чрезвычайно. „— Ея нарядъ, головной уборъ и проч. были также разцѣнены. — Она одѣта не кстати — подпоясана слишкомъ высоко, и туго — особливо та прикраса найдена соблазнительною, что она всегда показывала свою

но-

ногу, „*непропорціональною малостію*, которой она чрезчуръ гордилась„ — говорили дамы, кои по противоположенной причинѣ обыкновенно свои ноги прятали. Между тѣмъ всѣ дамы и кавалеры согласились въ томъ, *что она поетъ прекрасно*, и что не можетъ ничего *нѣжнѣе* быть аріи, въ которой она *оплакиваетъ* судьбу свою. *Эвколпія*, хотя выражала слова неправильно, имѣла однакожъ пріятной, звонкой и гибкой голосъ; и пѣніемъ своимъ полюбилась Абдеритамъ, потому наипаче, что она нарочито успѣла въ подражаніи *соловьямъ* въ разныхъ треляхъ и перемѣнахъ голоса, по которымъ она сама себѣ и слушателямъ своимъ нравилась

лась такъ, что вмѣшивала ихъ вездѣ, кстати и не кстати, и всегда производила ими удовольствїе. Чтобы она ни дѣлала, смѣялась или плакала, жаловалась или сердилась, надѣялась или боялась: всегда находила случай приноровить къ тому *пѣнїе соловья*, и была удостовѣрена, что ей забьютъ въ ладоши, хотябъ она самыя лучшїя мѣста тѣмъ испортила.

О прочихъ лицахъ, представлявшихъ *Персея*, какъ главнаго любовника, Агенора, прежняго любовника Андромедина, отца, мать и жреца Нептунова, не можемъ мы ничего болѣе упомянуть, кромѣ того, что хотя порознь въ нихъ много опорочивали, но вообще ими *весьма* довольны бы-

были. Персей былъ статенъ собою, и имѣлъ великое дарованіе для — Абдеритскаго *Арликина*. Помянутой Циклопъ, въ сатирической комедіи подъ симъ именемъ, сочиненной Эврипидомъ, была его главная роля. Онъ играетъ Персея весьма хорошо, говорили Абдеритянки; только жаль, что онъ иногда не чувствительно *сбивается на роль Циклопа*. *Кассіопея*, малорослая кукла, съ притворными прелестями, не имѣла ни одного натуральнаго тона; но она была въ великой силѣ у супруги втораго Архонта, весьма забавно пѣла маленькія пѣсенки, и — дѣлала то *по возможности*. *Жрецъ Нептуновъ* ревѣлъ страшнымъ матросскимъ басомъ; и Агеноръ

— козлогласовалъ такъ, какъ *второму любовнику* прилично. Хотя онъ пѣлъ не лучше, когда представлялъ и перваго; но поелику онъ весьма хорошо танцовалъ, то получилъ нѣкоторой родъ привилегіи пѣть весьма худо. Онъ танцуетъ прекрасно, отзывались Абдериты, когда примѣчали, что его куроглашеніе становится нестерпимо; между тѣмъ Агеноръ танцовалъ рѣдко, а напротивъ того пѣлъ во всѣхъ операхъ.

Для обозрѣнія всего совершенства сей Андромеды, должно вообразить себѣ еще два хора, одинъ Нереидъ, а другой подругъ Андромединыхъ, состоящіе изъ *переодѣтыхъ молодыхъ школьниковъ*,

ковъ, которые такъ не ловки были въ своихъ пріемахъ, что Абдериты (къ великому своему утѣшенію) могли довольно и до сыта насмѣяться. Особливо хоръ Нереидъ изобрѣтеніемъ Номофилакса производилъ презабавное дѣйствіе. Нереиды появлялись изъ воды до пояса, съ фальшивыми желтыми волосами, и съ огромными поддѣланными грудьми, кои издали весьма натурально — казались начиненными пузырями, и для того совершенно *сами на себя* походили. Симфонія, подъ которою сіи морскія чудовища выныряли, была не иное что, какъ подражаніе славной симфоніи *Врекекъ ква ква лягушекъ Аристофановыхъ*; и дабы *соотвѣтственность* во

всемъ представить совершеннѣе и живѣе, то Г. Гриллъ принаровилъ разные *коровьи рога*, на коихъ временемъ выходки были, въ подражанїе трубящимъ въ улитковыя раковины *Тритонамъ*.

О *декорацїяхъ* для краткости не скажемъ мы ничего болѣе, кромѣ того, что они — для Абдеритовъ были *прекрасны*. Особливо удивлялись они захожденїю солнца, производимому ими посредствомъ употребляемаго на вѣтреной мѣльницѣ колеса, утыканнаго длинными сѣрными спицами, которое сопровождалось бы хорошимъ успѣхомъ, какъ говорили они, естьлибъ оно оборачивано было нѣсколько поскорѣе.

При-

При томъ обстоятельствѣ, когда Персей въ Меркурьевыхъ сапогахъ слеталъ на театръ, *знатоки* желали, чтобъ веревки, на коихъ онъ висѣлъ, обмазаны были воздушною краскою, дабы онѣ не такъ примѣтно бросались въ глаза зрителей.

ГЛАВА VI.

Дивная малая пїеса, за сею большею послѣдовавшая, которую Абдериты сыграли съ однимъ незнакомымъ чужестранцомъ, и совсѣмъ нечаянная оной раззязка.

Какъ скоро опера окончилась, и громкое рукоплесканїе нѣсколько прїутихло, то спрашивалъ по окыкновенїю одинъ другаго: Ну, какъ вамъ по

нравилась піеса? и получалъ вездѣ обыкновенной отвѣтъ. Одинъ изъ молодыхъ дворянчиковъ, почитавшійся отмѣннымъ знатокомъ, обратилъ сей важной вопросъ и къ нѣкоторому пожилому чужестранцу, сидѣвшему въ среднемъ ряду, и казавшемуся по виду не изъ простыхъ людей. Чужестранецъ, которой можетъ быть замѣтилъ, что въ Абдерѣ на таковой вопросъ отвѣчать должно, ни мало не медля отозвался, что *весьма хорошо*; но какъ взглядъ его сію похвалу приводилъ въ подозрѣніе, и притомъ непроизвольное, хотя весьма слабое движеніе тѣла, коимъ онъ сопровождалъ ее, могло протолковано быть за *пожиманіе плечь*: то молодой Абдеритъ не

не хотѣлъ попустить, чтобъ незнакомый посѣтитель отъ него отдѣлался даромъ. „Кажется, сказалъ онъ, что эта піеса вамъ не понравилась? хотя ее почитаютъ однимъ изъ лучшихъ сочиненій Эврипидовыхъ!„

Она можетъ быть не худа, отвѣтствовалъ чужестранецъ. —

„Такъ вы можетъ быть находите что нибудь худаго въ музыкѣ?„ —

Въ музыкѣ? — О! что до нее касается, то она такая музыка, — которую только въ Абдерѣ слушаютъ. —

„Вы весьма учтивы! Въ самомъ дѣлѣ нашъ Номофилаксъ есть великой мужъ въ своемъ родѣ„

Безъ сомнѣнія! —

„Такъ вы, думать надобно, не довольны игроками?„

Я доволенъ цѣлымъ свѣтомъ.

„По моему мнѣнію, Андромеда представляла ролю свою *превосходно*?„

О! весьма превосходно! —

„Она дѣлаетъ великое впечатлѣніе; не такъ ли?„

Это вы всего лучше знаете; я уже для того не такъ молодъ. —

„По крайней мѣрѣ вы признаетесь, что Персей великой актеръ?„ —

Правда, онъ виденъ и статенъ собою! —

„А хоры? Они конечно дѣлаютъ мастеру своему честь? Не находите ли вы на пр. вымыслъ, по которому

му введены Нереиды, чрезвычайно удачнымъ?„

Чужестранецъ прискучилъ Абдеритомъ: *Я нахожу*, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою досадою, *что Абдериты щастливы, когда всѣми оными вещами толь много утѣшаются.*

„Государь мой, сказалъ молодой вертопрахъ съ насмѣшкою, признайтесь, что пїеса не имѣла чести и щастїя заслужить вашего одобренїя.„

Что вамъ до моего одобренїя, когда *рѣшено большинствомъ голосовъ?*

„Вы правду говорите. Но я для диковинки желалъ бы послушать, въ чемъ вы опорочить можете нашу музыку и нашихъ игроковъ?„

Можете? сказалъ чужестранецъ съ нѣкоторою поспѣшностію, но вдругъ опять удержался — *Простите меня, я не хочу никого переспорить въ его удовольствіи. Піеса, такъ какъ она сыграна, понравилась всѣмъ въ Абдерѣ; чегожъ вы болѣе хотите?* —

„Не такъ то всѣмъ, когда она вамъ не понравилась!„

Я чужестранной человѣкъ —

„Чужестранной или нѣтъ, я желалъ бы послушать вашихъ доводовъ! Ха, ха, ха! вашихъ доводовъ, государь мой, вашихъ доводовъ! Они по крайней мѣрѣ не будутъ *чужестранные*! Ха, ха, ха, ха!„

Не-

Незнакомой гость началЪ выходить изЪ терпѣнія. Молодой господинЪ, сказалЪ онЪ, я за комедію свою заплатилЪ, потому что я также билЪ вЪ ладоши, какЪ и другіе. Будьте тѣмЪ довольны! Я намѣренЪ опять уѣхать, будучи обязанЪ дѣлами.

„ КакЪ, вскричалЪ другой молодой АбдеритЪ, вслушавшись вЪ разговорЪ, не уже ли вы насЪ хотите оставить? Вы повидимому великой знатокЪ; вы растрогали наше любопытство и охоту отЪ васЪ научиться; (онЪ говорилЪ сіе сЪ усмѣшкою пополамЪ глупою и язвительною); мы право васЪ не отпустимЪ, пока вы не скажете намЪ, какой вы порокЪ нашли вЪ сегоднишней оперѣ. Я *обЪ сло-*

вахЪ

вахъ ничего не скажу, потому что *я не знатокъ*; но музыка, кажется мнѣ, была несравненна?,,

Это должны были рѣшить *слова*, какъ вы называете, сказалъ незнакомой посѣтитель.

„*Что вы подъ симъ разумѣете*? Я думаю, музыка есть музыка, и надобно только имѣть уши, дабы слышать, что хорошо!,,

Я уступаю вамъ, когда вы хотите, отвѣтствовалъ первой, что хорошія мѣста въ сей музыкѣ есть; пусть она вообще будетъ музыкою ученою, по всѣмъ правиламъ искусства расположенною, школьною, статейною; я противъ того не спорю, а говорю только, *что она сочинена*

не

не для Андромеды Эврипидовой!

„Вы хотите сказать, чтобъ слова лучше были выражены?„

О! *слова* выражены по мѣстамъ *весьма сильно*; но вообще, государи мои, вообще духъ стихотворца потерянъ. *Свойство* дѣйствующихъ лицъ, *точность* страстей и движенiй душевныхъ, *соотвѣтственность* между положенiями — то, чѣмъ музыка быть можетъ и быть долженствуетъ, дабы претвориться въ языкъ природы, въ языкъ страстей — чѣмъ она быть долженствуетъ, дабы стихотворецъ по ней какъ по своей стихiи плавалъ, и *поддерживанъ, а не потопленъ былъ*, все это потеряно — кратко ска-

сказать, *вся музыка не годится*! Вотъ вамъ моя исповѣдь въ трехъ словахъ!

„ *Вся музыка*, разинули оба Абдерита рты свои, вся музыка не годится? О! это много сказано! послушалибъ мы, какъ бы вы это доказали?„

Шумъ, съ которымъ оба сіи защитника отечественнаго вкуса приступали къ сѣдобородому чужестранцу, привлекъ еще нѣкоторыхъ другихъ Абдеритовъ; каждой вслушивался въ споръ, которой касался до чести народнаго ихъ театра. Всѣ тѣснились къ нему, и чужестранецъ, хотя былъ казистъ, высокъ и дюжъ, однакожъ почелъ за нужное, прислониться къ столбу, дабы сберечь по крайней мѣрѣ свою спину.

Какъ

Какъ бы я доказалъ? отвѣчалъ онъ весьма хладнокровно; я доказывать не стану! Когда вы пiесу на бумагѣ читали, въ представленiи видѣли, музыку слышали, и еще можете требовать, чтобъ я вамъ доказалъ свое мнѣнiе: то я потерялъ бы время и грудь, естьлибъ вступилъ съ вами далѣе въ разговоръ.

„Этова господина, какъ я слышу, трудно удовольствовать, сказалъ одинъ Совѣтникъ, которой хотѣлъ вмѣшаться въ разговоръ, и которому оба молодые Абдерита изъ почтенiя уступили мѣсто. Мы здѣсь въ Абдерѣ также съ ушами! хотя каждому дана воля; однакожъ —— „

„Какъ? что? что тамъ такое? вскричалъ малорослой тол-

толстопузой Совѣтникъ, прискакавъ тудажъ; развѣ сей господинъ примѣтилъ въ оперѣ какой нибудь недостатокъ? Послушалъ бы я! Ха, ха, ха! Одна изъ самыхъ лучшихъ пїесъ, по чести моей, какой давно не видано на театрѣ! Много дѣйствїя! скажу, что много! прекрасная пїеса! и прекрасная мораль!„

Государи мои, сказалъ чужестранецъ, я занятъ дѣлами, и пришелъ сюда, дабы нѣсколько отдохнуть; я билъ въ ладоши по обычаю сей земли, и отправился бы опять мирно и тихо своею дорогою, естьлибъ сїи молодые люди не принудили меня насильно открыть мое мнѣнїе.

„Вы имѣете совершенное право, отвѣтствовалъ другой

гой Совѣтникъ, которой искренно не былъ великимъ почитателемъ Номофилакса, и по причинамъ политическимъ съ нѣкотораго времени дожидался случая, какъ бы его стороною подразнить. Вы знатокъ въ музыкѣ, какъ кажется, и —„

Я говорю по моему удостовѣренію, сказалъ незнакомой.

Шумъ между окружающими его Абдеритами умножался отчасу болѣе.

Наконецъ подошелъ самъ Г. Гриллъ, услышавъ, что рѣчь была о его музыкѣ. Онъ имѣлъ совсѣмъ свойственной ему манеръ, щурить глаза, морщить носъ, пожимать плечами, скалить зубы, и кривлять ротъ,

когда онъ тому, съ кѣмъ заходилъ въ споръ, хотѣлъ дать напередъ возчувствовать свое презрѣнiе. — „Такъ мое сочиненiе не имѣло щастiя этому Господину понравиться? Такъ онъ знатокъ? Ха, ха, ха! — Разумѣетъ безъ сомнѣнiя и самъ сочинять? Не правдали? —

„Это *Номофилаксъ*, „шепнулъ нѣкто чужестранцу на ухо — чтобъ открытiемъ высокаго достоинства того, о трудахъ котораго судилъ онъ толь неблагопрiятно, срѣзать его съ ногъ.

Чужестранецъ сдѣлалъ Номофилаксу привѣтствiе, какое въ Абдерѣ было обыкновенно, и молчалъ.

„Ну, послушалъ бы я, что этотъ гость скажетъ

про-

противЪ сочиненія музыки? За погрѣшности оркестра я не ручаюсь; но я далЪ бы сто драхмЪ хотя за *одну погрѣшность вЪ сочиненіи*! Ха, ха, ха! ПосмотримЪ ка, что будетЪ!„

Я не знаю, что вы называете погрѣшностями, продолжалЪ чужестранецЪ; по моему мнѣнію вся музыка, о которой идетЪ рѣчь, имѣетЪ только одну погрѣшность.

„А какаябЪ это была? спросилЪ НомофилаксЪ сЪ насмѣшливымЪ видомЪ. —

Что смыслЪ и духЪ стихотворца не удержанЪ ни мало, отвѣтствовалЪ первой.

„Только? больше ничего? Ха, ха, ха, ха! И такЪ я стихотворца не разумѣлЪ?

И *это вы знаете?* Видно думаете вы, что мы здѣсь не разумѣемъ по Гречески? Или вы конечно у стихотворца въ головѣ сидѣли? Ха, ха, ха!„

Я знаю, что я говорю; и въ случаѣ нужды обѣщаюсь о всей пiесѣ отъ стиха до стиха показать мое мнѣнiе *въ Олимпiйскихъ играхъ предъ цѣлою Грецiею.*

„Слишкомъ много будетъ околичностей,„ примолвилъ правительственный Совѣтникъ.

„Да и пустые затѣи, вскричалъ Номофилаксъ. Завтра корабль отправится въ Аѳины, я напишу къ *стихотворцу Эврипиду!* и пошлю къ нему музыку! Я думаю, что вы оперу не лучше разумѣете самаго поэта? Все здѣсь

пред-

предстоящіе извольте подписаться свидѣтелями. Эврипидъ самъ долженъ учинить приговоръ!„

Вы можете обойтись безъ труда, сказалъ чужестранецъ съ улыбкою; ибо для прекращенія всей тяжбы однимъ словомъ, Эврипидъ, къ которому вы намѣрены послать аппелляцію есть — я самъ.

Между всѣми возможными ударами, которые Эврипидъ Номофилаксу въ Абдерѣ нанести могъ, безъ сомнѣнія сей былъ всѣхъ чувствительнѣе, поелику онъ въ ту минуту, когда къ нему, какъ отсутствующему, для вышшей расправы отнестись хотѣли — находился при томъ самолично. Но

ктожЪ бы такого удара и ожидать могЪ? Великій Анубисъ! За чѣмъ ему быть въ Абдерѣ? и точно въ ту самую минуту, въ которую лучше бы можно было смотрѣть на волка, нежели на него? Естьлибъ онъ, какъ естественно думать надлежало, остался въ Аѳинахъ, къ которымъ онъ принадлежалъ — тобъ все дѣло пошло своимъ порядкомъ. Номофилаксъ сочиненіе свое препроводилъ бы къ нему съ почтительнымъ письмомъ, и къ имени своему пріобщилъ бы всѣ свои титла и достоинства. Это бы конечно подѣйствовало! Онъ получилъ бы отъ Эврипида свойственной Аѳинянамъ учтивой отвѣтъ; велѣлъ бы прочесть

честь его во всей Абдерѣ: и ктобъ тогда переспорилъ побѣду его надъ чужестранцемъ? — Но случай, что сей чужестранецъ и критикъ, которой ему безъ обиняковъ и напрямки сказалъ — чего въ Абдерѣ никто Номофилаксу въ глаза сказать не смѣлъ — есть *самъ Эврипидъ*, былъ такой, къ которому онъ не готовился, и которой бы въ состоянiи былъ, каждаго другаго, кромѣ — Абдерита, привести въ стыдъ и вогнать въ краску.

Хотя Номофилаксъ умѣлъ пособить себѣ; однакожъ первой ударъ сразилъ его на минуту. *Эврипидъ*, вскричалъ онъ, отскочивъ шага три назадъ; какъ *Эврипидъ*! вскричали въ ту же ми-

минуту правительственной Совѣтникъ, и Совѣтникъ малорослой толстопузой, оба молодые господчика, и всѣ предстоявшие, оглядываясь вокругъ себя съ изумленіемъ, какъ будтобъ увидѣть хотѣли, изъ котораго облака упалъ къ нимъ Эврипидъ толь внезапно.

Человѣкъ всего менѣе согласенъ вѣрить такому нечаянному приключенію, которое онъ прежде почиталъ невозможнымъ. — Ба, откуда взялся Эврипидъ? Тотъ самой Эврипидъ, о которомъ говорено было? которой сочинилъ Андромеду? къ которому Номофилаксъ писать намѣревался? — Какъ это могло статься?

Правительственный Совѣтникъ первой опамятовался отъ изумленія, коимъ всѣ объяты были. Щастливой случай, по истиннѣ, вскричалъ онъ; клянусь Касторомъ! весьма щастливой случай. Г. Номофилаксъ! теперь не для чего вамъ и заставлять списывать своей музыки и трудиться надъ письмомъ.

Номофилаксъ чувствовалъ всю рѣшительную важность сей минуты; и когда тотъ можетъ назваться великимъ человѣкомъ, кто въ таковомъ рѣшительномъ мгновеніи вдругъ всему дѣлаетъ оборотъ, могущій вывести его изъ затрудненія: то признаться должно, что Гриллъ имѣлъ отличное рас-

положенїе, быть великимъ человѣкомъ. „Эврипидъ! вскричалъ онъ — какъ? Не уже ли вы вдругъ могли сдѣлаться Эврипидомъ? Ха, ха, ха! выдумка остра и забавна; однако знайте, что здѣсь въ Абдерѣ такъ легко насъ не проведете.„ —

Смѣшно бы было, отвѣчалъ чужестранецъ, есть либъ я въ Абдерѣ попустилъ оспорить право, называться своимъ именемъ. „Прошу извинить, государь мой, прервалъ его рѣчь *стряпчей Тразилловъ*, не право называться своимъ именемъ, но право объявлять себя тѣмъ Эврипидомъ, къ которому Номофилаксъ для рѣшенїя отнестись намѣревался. Вы можете называться Эврипидомъ; но

но ЭврипидЪ ли вы *вЪ самомЪ дѣлѣ*, это другой вопросЪ.„

Государи мои, продолжалЪ чужестранецЪ, я согласенЪ быть всѣмЪ тѣмЪ, что вамЪ угодно, лишь только отпустите меня. Я даю вамЪ честное слово, что отсюда самою прямою дорогою выду за ворота ваши, и тогда пусть мнѣ НомофилаксЪ — сочиняетЪ, когда я за живо опять возвращусь?

„НѣтЪ, нѣтЪ, нѣтЪ, вскричалЪ НомофилаксЪ, такЪ скоро вы сЪ нами не раздѣлаетесь; вы объявили себя ЭврипидомЪ, и теперь, видя, что мы за шутку того не принимаемЪ, хотите вы навострить лыжи — нѣтЪ постой! такого уговора между нами не было! Докажите-ка

намЪ,

намЪ, что вы ЭврипидЪ, или не будь я ГриллЪ, ежели —„

„Не горячитесь, любезной товарищь, сказалЪ правительственный совѣтникЪ. Хотя я не Физiогномъ, однакожЪ мнѣ кажется, что онЪ можетЪ быть вЪ самомЪ дѣлѣ ЭврипидЪ; *и я* непремѣнно бы вамЪ совѣтовалЪ, *обойтись потише.*„

„Удивляюсь, примолвилЪ одинЪ изЪ предстоявшихЪ, что здѣсь много говорятЪ пустова, когда весь спорЪ можетЪ рѣшенЪ быть двумя словами да или нѣтЪ. НадЪ главнымЪ сюда входомЪ поставлено грудное изображенiе Эврипидово вЪ натурѣ. ТакЪ требуется только посмотрѣть, походитЪ ли на него чужестранецЪ.„

„Бра-

„Браво, браво, заплясалъ *молодой толстопузой совѣтникъ*; вотъ весьма умно сказано? Ха, ха, ха! Грудное изображенїе! Нѣчего больше и спрашивать, пусть изображенїе рѣшитъ — хотя оно говорить не можетъ, ха, ха, ха, ха, ха!„

Всѣ предстоявшїе Абдериты помирали со смѣху отъ остроумнаго замысла сего круглаго карлы, и по томъ всѣ опрокинулись ко входу. Чужестранецъ предался добровольно своей судьбѣ, и не противился, когда осматривали его, поворачивая то назадъ, то впередъ, и сличая отъ пункта до пункта съ его портретомъ, пока имъ хотѣлось. Но къ сожалѣнїю! сїя очная ставка не могла никакъ окон-

чить-

читься въ его пользу; ибо помянутой портретъ походилъ на каждаго другаго человѣка или звѣря болѣе, нежели на него.

„Ну, вскричалъ Номофилаксъ съ торжественнымъ видомъ, — что вы теперь можете еще сказать въ свое оправданіе?„

Я могу сказать (отвѣчалъ чужестранецъ, котораго комедія начала уже развеселять) нѣчто такое, о чемъ по видимому никто изъ васъ не думалъ, хотя то столькожъ подлинно, сколько подлинно, что вы — Абдериты, а я Эврипидъ.„

„Скажите, скажите! вступился опять Номофилаксъ; можно безъ сомнѣнія наговорить

рить много, а чѣмъ бы вы насъ еще потѣшили?„

Я скажу, что этотъ портретъ на Эврипида совсѣмъ не похожъ.

„Нѣтъ, государь мой, вскричалъ толстопузой Совѣтникъ, вы ошибаетесь! Этотъ *портретъ* самой лучшій; онъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора, какъ видите, изъ мрамора Пароскаго: пусть накажетъ меня Юпитеръ, ежели лгу! и обошелся намъ во сто *дариковъ* наличными деньгами: въ этомъ можете вы мнѣ повѣрить. Прекрасная работа нашего *городоваго рѣщика* Мошіона — мастера искуснаго и славнаго — слыхали ли вы объ немъ? — весьма славнаго! Всѣ чужестранцы, кои къ намъ ни

прiѣз-

пріѣзжали, удивлялись сему *портрету*! Онъ снятъ съ самой натуры, въ томъ можете вы мнѣ повѣрить! Вы сами видите, что внизу подъ нимъ большимм золотыми буквами написано ΕΥΡΙΠΙΔΗΣ„

Государи мои, сказалъ чужестранецъ, которому всю свою природную важность собрать надлежало, дабы не надорваться со смѣху! смѣю ли я сдѣлать только одинъ вопросъ?

„Со всею охотою„ вскричали Абдериты.

Положимъ, продолжалъ онъ, что между мною и портретомъ моимъ произошелъ бы споръ, кто на меня наиболѣе походитъ — то комубъ вы повѣрили, *портрету*, или мнѣ?

„Стран-

„Странной вопросъ, „сказалъ одинъ изъ Абдеритовъ, почесываась за ухомъ — Хитрой вопросъ, клянусь Юпитеромъ! вскричалъ другой. Берегитесь, отвѣтствовать на то, высокопочтенный Господинъ Совѣтникъ!

А развѣ это Совѣтникъ сей знаменитой республики? спросилъ чужестранецъ, низко покланясь — такъ я прошу извиненія; признаюсь, что сей портретъ есть хорошая работа изъ лучшаго Паросскаго мрамора — и когда оной на меня не походитъ, то сіе приписать должно тому, что вашъ славной городовой рѣщикъ изобразилъ *портретъ* красивѣе, нежели натура — *меня*. Это доказываетъ добрую

его волю, за которую онъ заслуживаетъ всю мою благодарность.

Сїе привѣтствїе подѣйствовало весьма много; ибо Абдериты любовались тѣмъ, когда съ ними говорено было со всякою учтивостїю. ,,Не впрямъ ли это самъ Эврипидъ, шепталъ одинъ другому на ухо и толстопузой Совѣтникъ, сличивъ еще разъ портретъ съ чужестранцемъ, замѣтилъ, *что бороды ихъ совершенно одна на другую походили.*

По щастїю подоспѣли туда Архонтъ *Онолай* и племянникъ его *Онобулъ*, которой Эврипида видалъ въ Аѳинахъ разъ со сто, и часто съ нимъ говаривалъ. Радость молодаго Онобула о толь нечаян-

чаянномъ свиданіи, и рѣшительное его подтвержденіе, что оной чужестранецъ дѣйствительно славной Эврипидъ, вдругъ разсѣкло запутанной узолъ; и Абдериты увѣряли по томъ другъ друга, что *они могли признать его съ перваго взгляду.*

Номофилаксъ видя, что Эврипидъ удержалъ за собою право въ разсужденіи своего *портрета*, уклонился въ сторону. — Проклятой случай! проворчалъ онъ про себя сквозь зубы: за чѣмъ бы ему такъ притаиться? Когда онъ зналъ, что онъ Эврипидъ, то для чего не *появился* онъ ко мнѣ вскорѣ по пріѣздѣ своемъ сюда? Тогдабъ все дѣло пошло совсѣмъ другимъ чередомъ!

Архонтъ Онолай, которой въ таковыхъ случаяхъ обыкновенно отправлялъ почтительные обряды города Абдеры, пригласилъ стихотворца весьма учтиво, воспользоваться у него правомъ гостепріимства, и просилъ вмѣстѣ правительственнаго и толстопузаго Совѣтника къ себѣ на вечеръ, на что оба они согласились съ векимъ удовольствіемъ.

„Не думалъ ли я съ самаго начала? (сказалъ малорослой Совѣтникъ одному изъ предстоявшихъ,) что то натуральной Эврипидъ! Борода, носъ, лобъ, уши, рѣсницы, все до волоска! Не льзя видѣть ничего сходнѣе! Куда Номофилаксъ дѣвалъ свои чувства, — да — да, онъ

видно хлебнулъ немного черезъ край! Разумѣете ли меня? — Cantores amant humores — Ха, ха, ха, ха! — Ладно, что попался къ намъ Эврипидъ! Скажу по чести, что прямо обходительной и свѣтской человѣкъ, которой насъ конечно довольно позабавитъ! Ха, ха, ха!

ГЛАВА VII.

Какъ Эврипидъ заѣхалъ въ Абдеру, съ нѣкоторыми тайными извѣстіями о Дворѣ Пелльскомъ.

Сколько само по себѣ было сбыточное дѣло, что Эврипидъ могъ находиться въ Абдерѣ, и именно въ ту самую минуту, когда Номо-

 фи-

филаксъ Гриллъ ссылался на него, такъ какъ въ каждую другую минуту — и сколь ни пріобыкли мы къ таковымъ нечаяннымъ явленіямъ *на театрѣ*: однакожъ мы понимаемъ, что иначе судить можно, когда таковое явленіе окажется въ *партерѣ*; и въ семъ случаѣ важность исторіи требуетъ, вразумить читателя, какимъ образомъ то произошло. Почему обо всемъ, что мы знаемъ, сообщимъ съ точностію; и естьли не смотря на то, для остроумнаго читателя останется еще какое либо сомнѣніе: то развѣ оно принадлежать будетъ ко всеобщему вопросу, которой при каждомъ происшествіи ниже и выше луны сдѣлать можно: *для чего* на прим.

имен-

именно *комаръ*, и именно *сей*, а не другой комаръ, именно въ *сїю* секунду — *сей* десятой минуты — *сего* шестаго часа по полудни, *сего* 10 Августа — сего 1778 года по общему лѣточисленїю, укусилъ именно сїю даму или дѣвицу * * * не въ лицо, не въ затылокъ, или локоть, или перси, грудь, не въ руку, ниже въ пяту, и проч., но *прямо повыше четырехъ дюймовъ надъ лѣвымъ колѣннымъ сгибомъ*, и такъ далѣе, — И тогда мы скажемъ не обинуясь, что мы на сїе слово *для чего*, ничего отвѣчать не умѣемъ. *Спросите Боговъ* — могли бы мы на всякой случай отозваться съ однимъ великимъ мужемъ; но поелику такой отвѣтъ явно былъ

бы — *геройской*: то думаемъ, что приличнѣе будетъ предоставить дѣлу, пусть оно само за себя отвѣчаетъ.

И такъ упомянемъ — сколько знаемъ. *Архелай*, Царь Македонскій, великой любитель изящныхъ наукъ и — *изящныхъ умовъ* (какими тогда извѣстныхъ изнѣженныхъ дѣтей природы не называли, и какимъ именемъ называютъ нынѣ каждаго, о комъ не льзя сказать, что онъ такое.) — Сей Царь вздумалъ завести собственной при Дворѣ своемъ театръ; и по стеченію обстоятельствъ, средствъ и цѣлей, свѣдѣніе которыхъ не можетъ теперь никому болѣе быть нужнымъ, побудилъ Эврипида на весьма выгодныхъ условіяхъ, явиться

ко

ко Двору своему въ Пеллѣ, съ труппою отборныхъ игроковъ, виртуозовъ, архитекторовъ, живописцовъ и машинистовъ: однимъ словомъ, со всѣми нужными для совершеннаго театра потребностями, и снять на себя главное смотрѣніе за тѣмъ новымъ придворнымъ театромъ. На семъ-то пути находился тогда Эврипидъ со всею своею свитою; и хотя дорога чрезъ Абдеру не была одна только или всѣхъ ближе; однакожъ онъ выбралъ ее для того, что ему хотѣлось собственными глазами посмотрѣть толь славную по остроумію своихъ жителей республику. Но какимъ образомъ случилось, что онъ въ томъ самой день прибылъ,

когда Номофилаксъ въ первой разъ вывелъ на театръ свою Андромеду; въ томъ, какъ сказано, не можемъ мы дать отчета. Таковыя нечаянности *кстати* попадаются чаще, нежели себѣ представить можно; и по крайней мѣрѣ сія диковинка не удивительнѣе той, когда на пр. молодой Господинъ * * лишь только намѣревался надѣть на себя нижнее свое платье, какъ нечаянно взошла къ нему въ комнату его швея, и принесла шелковые чулки, кои отослалъ онъ къ ней заштопать — сіе обстоятельство, какъ вы знаете, послужило поводомъ къ случайному происшествію, надѣлавшему въ высокой его фамиліи, по крайней мѣрѣ

столь

столь же много тревоги, какъ и непредуготовленное явленіе Эврипида въ Абдерскомъ партерѣ. Кто чему нибудь такому удивляться можетъ, тотъ видно худое имѣетъ понятіе о наважденіи бѣсовскомъ, какъ тотъ же Эврипидъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ.

Впрочемъ, когда мы сказали, что *Царь Архелай* былъ великой любитель изящныхъ наукъ и художествъ, а вмѣстѣ и изящныхъ умовъ, то не должно сего принимать въ точномъ и самомъ строгомъ смыслѣ словъ; ибо такъ обыкновенно только говорится, и сей Государь отнюдъ не былъ любителемъ наукъ и художествъ, такъ какъ и упражняющихся въ оныхъ.

оныхъ. За подлинножъ извѣстно то, что онъ съ нѣкотораго времени по часту имѣлъ скуку — поелику всѣ прежнія его забавы болѣе не утѣшали его. Сверхъ того онъ былъ весьма честолюбивъ, и слушался, когда Оберкамергеръ его представлялъ ему, что вообще между принадлежностями великаго Владѣтеля считать можно, когда онъ покровительствуетъ науки и художества. Ибо, говорилъ Оберкамергеръ, Ваше Величество думать надобно замѣтили, что никогда статуи, или груднаго портрета великаго Государя на медалѣ и проч. не видно, по правую сторону котораго не изображенабъ была Минерва, съ трофеемъ броней, знаменъ,

менъ, копій и восточныхъ звѣздъ — а по лѣвую сторону всегда стоятъ на колѣняхъ по нѣскольку крылатыхъ отроковъ и полунагихъ дѣвъ, съ кистью и камнемъ, наугольникомъ, флейтою, лирою и бумажнымъ свиткомъ въ рукахъ, представляя художества, кои великому повелителю, такъ сказать, препоручаютъ себя въ защиту; вверху же паритъ слава съ звучною трубою въ устахъ, для ознаменованія, что Цари и Владѣтели покровительствомъ наукъ и художествъ пріобрѣтаютъ себѣ безсмертную славу и проч.

И такъ помянутой Царь принялъ художества подъ свое покровительство; и въ слѣдствіе того историки повѣ-

вѣствуютъ намъ весьма велерѣчиво, сколь много онъ настроилъ, и сколь много употребилъ на живопись и рѣзьбу, на прекрасныя обои и самыя лучшія мебели; какъ все, до самой послѣдней выгодности, долженствовало быть у него въ *Гетрурскомъ вкусѣ*; какъ онъ призвалъ ко Двору своему славныхъ художниковъ, виртуозовъ, изящныхъ умовъ и проч.: всежъ сіе, какъ они говорятъ, дѣлалъ онъ тѣмъ паче, что ему нужно было загладить память о преступленіяхъ, проложившихъ ему путь къ престолу, для котораго онъ не былъ рожденъ. —

Послѣ сего краткаго отступленія возвратимся мы къ Аѳинскому нашему стихотвор-

творцу, котораго найдемъ въ блистательномъ собраніи первостепенныхъ Абдеритовъ и Абдеритянокъ подъ зеленымъ павильйономъ въ саду Архонта Онолая.

ГЛАВА VIII.

Какъ Эврипидъ обходится съ Абдеритами. Они сплетаютъ на него умыслъ, при которомъ ясно изображается политическая ихъ дѣятельность, и которой тѣмъ достовѣрнѣйшимъ сопровождается успѣхомъ, что всѣ затрудненія, ими притомъ видимыя, состояли токмо въ ихъ воображеніи.

Выше сего замѣчено, что Эврипидъ, хотя не извѣстно

по чему, находился въ великомъ уваженіи у Абдеритовъ. Какъ же скоро промчался слухъ, что онъ самолично присутствуетъ: то весь городъ пришелъ отъ того въ движеніе. Ни о чемъ болѣе не говорили, какъ только о Эврипидѣ. — „Видѣли ли вы Эврипида? Каковъ онъ? Великъ „ли у него носъ? Какъ онъ „держитъ голову? Какіе у него глаза? Не стихами ли онъ говоритъ? Не гордъ ли онъ? — И тысячу такихъ вопросовъ дѣлали одинъ другому скорѣе, нежели на одинъ которой либо отвѣчать было можно. Любопытство, видѣть Эврипида, привлекло еще кромѣ тѣхъ, кои Архонтомъ прошены были, разныхъ другихъ, кои не были про-

прошены. Всѣ толпились къ лысому стихотворцу, дабы обозрѣть его собственными глазами, таковъ ли онъ точно, какимъ они его представляли себѣ. Многіе, особливо между дамъ, удивлялись, что онъ наконецъ походилъ точь въ точь на каждаго другаго человѣка. Другіе замѣтили, что онъ имѣетъ много огня въ глазахъ; а прекрасная *Тріаллиса* шепнула сосѣдкѣ своей на ухо о своей вѣрной догадкѣ, что онъ непримиримой непріятель женскаго пола (*). Она открыла сію догадку съ изъявленіемъ въ зачетъ удовольствія о той побѣдѣ, ко-

(*) Извѣстно, что въ семъ гнусномъ порокѣ обвиняютъ Эврипида, хотя не по справедливости.

торую обѣщала себѣ, когда толь явной врагъ ея пола долженъ будетъ возчувствовать власть ея прелестей.

Глупость имѣетъ свои *высокія и превосходныя мысли*, такъ какъ разумъ, и кто въ нихъ можетъ простираться *до самыхъ вздорныхъ и нелѣпыхъ*, тотъ достигъ въ семъ родѣ высокости, которая для умныхъ людей есть всегдашнимъ источникомъ удовольствія. Абдериты имѣли щастіе, обладать симъ совершенствомъ. Нелѣпость ихъ хотя чужестранца сначала выводила иногда изъ терпѣнія; однако, какъ скоро онъ усматривалъ, что она вся *одного покроя*, и (по тому самому) заключала въ себѣ много

го

го удостовѣрительности и добродушія: то примирясь опять съ ними, часто забавлялся лучше ихъ сумазбродствомъ, нежели другихъ людей остротою.

Эврипидъ во всю свою жизнь не былъ никогда въ такомъ веселомъ духѣ, какъ во время сей Абдеритской пирушки.. Онъ отвѣчалъ съ отмѣнною учтивостію на всѣ ихъ вопросы, смѣялся всѣмъ страннымъ ихъ замысламъ, каждому отдавалъ ту честь, которой онъ самъ себя удостоивалъ, и отзывался даже о театрѣ и музыкѣ ихъ такъ справедливо, что каждой былъ имъ совершенно доволенъ. — „*Свѣтской* и *тонкой человѣкъ*! шепнулъ правительственный Совѣтникъ

Г. Салабандѣ, повыше возлѣ него сидѣвшей, на ухо: *онъ выказываетъ себя изъ подъ тиха.* —„ Какъ же учтивъ и скроменъ, какъ будто бы онъ не былъ столь чрезвычайно уменъ, „отвѣчала Салабанда. — „Пресмѣшной человѣкъ, клянусь Юпитеромъ! сказалъ малорослой толстопузой Совѣтникъ, вставая изъ за стола, прямо забавной человѣкъ! Я не ожидалъ отъ него, по чести!„ — Дамы, коихъ нашелъ онъ *красавицами*, изъ благодарности дали ему знать, что онѣ его двадцатью годами почитаютъ *моложе*, нежели каковъ онъ былъ; словомъ, имъ были обворожены, и сожалѣли только, что не могутъ имѣть *чести* и *удовольствія*,

ствія, долго видѣть его въ Абдерѣ. Ибо Эврипидъ упорно стоялъ при томъ, что онъ долго между ими пробыть не можетъ.

Наконецъ *Госпожа Салабанда*, взявъ за руку правительственнаго Совѣтника и молодаго Онобула, отвела на сторону. „Что вы думаете, сказала она, ежели мы уговоримъ его, представить намъ свою Андромеду? Онъ при себѣ имѣетъ собственную свою труппу, въ которой конечно есть чрезвычайные виртуозы. „ — *Онобулъ* почелъ вымыслъ сей *божественнымъ*. —„ Я самъ объ этомъ же думалъ, сказалъ *правительственной Совѣтникъ*, и хотѣлъ лишь предложить вамъ. Однако могутъ встрѣ-

титься затрудненія. Номофилаксъ„ — „оставьте на меня попеченіе, перервала рѣчь его Салабанда; я уже его настрою!„

„Въ разсужденіи моего дяди я ручаюсь, сказалъ *Онобулв*; и въ сей же еще ночи соберу я изъ нашихъ молодчиковъ партію, которые въ городѣ надѣлаютъ довольно шуму.„

„Чуръ безъ жару, молвилъ *правительственной Совѣтникв*, покачавъ головою; чтобъ никто того не примѣтилъ! Я всегда говорю, что не спросясь броду, не соваться въ воду.„

„Но намъ нѣчего терять времени, Г. попечитель лягу-

гушекъ, (*) Эврипидъ уѣдетъ.„ —

„Мы уже остановимъ его, сказала *Салабанда*; онъ завтра будетъ у меня — я созову самую лучшую и веселую компанію. Положитесь только на меня; я вѣрно успѣю.„

Госпожа *Салабанда* почиталась въ Абдерѣ весьма умною женщиною. Она была далека въ политикѣ, и имѣла великое влїянїе на Архонта Онолая. Главной Жрецъ былъ ея дядя, и пятеро или ше-

(*) Сей Совѣтникъ былъ одинъ изъ *смотрителей за священнымъ* прудомъ лягушекъ, и оное мѣсто было весьма знаменитое въ Абдерѣ. Ихъ называли *Батрахотрофами*, которое слово по Руски иначе перевесть не льзя, какъ попечители лягушекъ.

стеро Совѣтниковъ, коихъ дружбою она пользовалась, рѣдко въ совѣтѣ произносили другое мнѣніе, кромѣ того, которое имъ за вечеръ предъ тѣмъ ею натолковано было. Сверьхъ того любовники прекрасной *Тріаллисы*, съ которою жила она въ тѣсномъ согласіи, совершенно состояли подъ ея повелѣніями; не говоря ничего о ея собственныхъ, коихъ она всегда имѣла по нѣскольку, и кои *въ надеждѣ* ей рабoлѣпствовали, и по сему такъ были гибки и мягки, какъ шелковыя перчатки. Домъ ея, принадлежавшій къ самымъ лучшимъ въ городѣ, былъ такое мѣсто, гдѣ всѣ дѣла предуготовлялись, всѣ тяжбы рѣшились, и всѣ *выборы* на-

начисто опредѣляемы были; однимъ словомъ, Г. Салабанда дѣлала въ Абдерѣ все, что хотѣла.

Эврипидъ, безъ всякаго намѣренія, воспользоваться важностію сей дамы, умѣлъ сего вечера вкрасться къ ней въ любовь такъ удачно, что будто бы онъ по крайней мѣрѣ домогался получить мѣсто смотрителя за лягушками. Ежели она проговаривала какую либо политическую прибаску или пословицу, то онъ находилъ въ ней *весьма остроумное замѣчаніе*; естьли она читала наизустъ изъ Симонида или Гомера, то онъ удивлялся ея талантамъ въ произношеніи стиховъ. Она указала ему нѣкоторыя мѣста изъ его сочи-

 не-

неній, кои пронесли въ Аѳинахъ объ немъ худую славу, что онъ непріятель женскаго пола; и онъ поклонясь низко ей и прекрасной Тріаллисѣ, увѣрялъ, что онъ нещастливымъ себя почитаетъ, для чего въ Абдеру не пріѣхалъ прежде. Кратко сказать, онъ велъ себя такъ, что Г. Салабанда готова была, поднять шумъ, естьлибъ ей съ правительственнымъ Совѣтникомъ не удалось, преднамѣреваемаго плана произвести въ дѣйство тихими и кроткими средствами.

Не мѣшкая ничего, приступили къ тому, чтобъ прежде всего преклонить на свою сторону Архонта, которой обыкновенно былъ сговор-

ворчивъ, когда ему представляли, что такое-то дѣло послужитъ Республикѣ Абдерской къ великой чести, и для народа будетъ весьма прïятно. Но какъ онъ былъ такой Господинъ, которой любилъ покойность, то отозвался, что онъ предоставляетъ имъ *распорядить все такъ, какъ надлежитъ*; самъ же не хочетъ никого трогать, а тѣмъ менѣе Номофилакса, которой весьма грубъ, а при томъ въ народѣ имѣетъ многихъ людей себѣ преданныхъ. — „Въ разсужденïи народа, Ваше Высокомочïе, положитесь на меня, сказалъ ему Совѣтникъ; я уже черезъ третïя руки настрою его такъ, какъ мы только желать можемъ.„ —

А

А я, примолвила Сальбанда, возьму Совѣтниковъ на себя.,, — Увидимъ, проговорилъ Архонтъ, и оборотился къ компанїи.

„Не безпокойтесь, сказала дама правительственному Совѣтнику, отведя его на сторону: я знаю Архонта. Ежели его согласить захочешь, то надобно только ввечеру предъ тѣмъ предложить о дѣлѣ, и когда онъ сказалъ *нѣтъ*, то по утру опять явиться, и, не кривляя рта, такъ говорить, какъ будто бы онъ сказалъ *да*, увѣривъ его, что въ успѣхѣ сомнѣваться нѣчего: тогда можно на него опереться, какъ на золото. Уже не первой разъ, какъ я его ло-

ловила шакимЪ образомЪ вЪ мои сѣши.

„Куда какЪ вы хитры, сударыня, отвѣчалЪ смотритель за лягушками, потрепавЪ ее нѣжно по круглому плечу — какЪ затѣйливы и предпрїимчивы! — Только чтобЪ не примѣтили нашего намѣренiя — а то проиграемЪ — надобно поступать какЪ можно *потише*!„

ВЪ сiю минуту подошли кЪ нимЪ двѣ Абдеритянки, а вскорѣ по томЪ и прочiя подруги, дабы послушать, о чемЪ говорятЪ. Правительственной СовѣтникЪ удалился.

„Ну, каковЪ показался вамЪ ЭврипидЪ? спросила Г. Салабанда; не правда ли, что онЪ молодецЪ?„

О! прелюбезной человѣкъ, вскричали Абдеритянки.

Жаль только, что онъ плѣшивъ — отвѣчала одна; и что у него зуба два выпало, примолвила другая.

Глупенькія, тѣмъ менѣе онъ васъ укусить можетъ, сказала *третія*; и какъ это былъ острой вымыслъ, то всѣ онѣ смѣялись отъ всего сердца.

Женатъ ли онъ, спросила одна молоденькая красавица, казавшаяся такъ, что будто бы она какъ грибокъ за одну ночь изъ земли выросла.

Не хочешь ли *ты* за него за мужъ? отвѣчала другая дѣвица съ насмѣшкою; я думаю, что у него есть уже

вну-

внучата, которымъ жениться въ пору.

О! я предоставляю ихъ *тебѣ*, сказала первая съ язвительнымъ тономъ; и симъ жаломъ уколола она тѣмъ больнѣе, что ея помянутой подругѣ, хотя она притворялась дѣвушкою осьмнатцати лѣтъ, стукнуло по крайней мѣрѣ сполна за тритцать.

„Милыя мои, перервала разговоръ ихъ Г. Салабанда, не о томъ теперь рѣчь идетъ. Теперь совсѣмъ другое на умѣ. Каково бы вамъ показалось, естьлибъ я заѣжжаго гостя уговорила, нѣсколько дней пробыть здѣсь, и съ труппою, которую онъ имѣетъ при себѣ, представить свою комедію?„

Пре-

Прекрасно, вскричали всѣ Абдеритянки, прыгая отъ радости; естьлибъ вы могли только это сдѣлать!

„Я уже сдѣлаю, отвѣчала Салабанда; только чуръ всѣмъ помогать!„

О! съ охотою, съ охотою, подхватили Абдеритянки; и прибѣжавъ толпами къ Эврипиду, возопили въ одинъ голосъ: Какъ хотите, Г. Эврипидъ, вы должны сыграть намъ комедію! Безъ того мы не отпустимъ васъ. Не правда ли, что вы дадите намъ честное слово?

Бѣдной стихотворецъ встрѣченъ будучи симъ предложеніемъ, совсѣмъ для него неожиданнымъ, отступилъ шага два назадъ, и увѣрялъ ихъ, что ему никогда на

мысль

мысль не приходило, играть комедїю въ Абдерѣ, что ему надобно поспѣшать своею поѣздкою и проч. Нѣтъ, продолжали Абдеритянки; мы не оставимъ васъ въ покоѣ; вы такъ учтивы, что конечно не откажете намъ въ удовольствїи, когда просить васъ будемъ неотступно. —

„Въ самомъ дѣлѣ, сказала Г. Салабанда, мы затѣяли противъ васъ умыселъ —„ которой долженъ быть произведенъ непремѣнно, примолвилъ Онобулъ, или не будь я —

Что такое? что такое? спросилъ правительственной Совѣтникъ, притворясь, будто ничего не знаетъ, и подкравшись тихо; о чемъ вы спорите съ почтеннымъ чуже-

стран-

странцемъ? — Между тѣмъ прилетѣлъ и малорослой толстопузой Совѣтникъ. Я право думаю, что вы всѣ вдругъ хотите бомбардировать его сердце, ха, ха, ха!„ — вскричалъ онъ, отъ смѣха поддерживая бока свои. Ему растолковали, о чемъ идетъ рѣчь. — „Ха, ха, „ха, ха! прекрасная мысль! „Накажи меня Юпитеръ, еже„ли не такъ! Самъ мастеръ „представлять будетъ! Мно„го чести будетъ для Аб„деры, Г. Эврипидъ, много „чести! За щастїе себѣ по„чтемъ, когда люди наши „отъ толь искуснаго мужа „выполированы будутъ!„ — Такой же почти отзывъ последовалъ еще отъ двухъ немаловажныхъ господчиковъ.

Хотя Эврипидъ симъ вымысломъ доволенъ былъ, въ намѣренiи, потѣшиться надъ Абдеритами; однако все еще притворялся изумленнымъ, извиняясь тѣмъ, что онъ Царю Архелаю обѣщалъ ускорить своею поѣздкою.

„Какая въ томъ нужда, сказалъ Онобулъ, вы республиканецъ, и республика имѣетъ ближайшее въ разсужденiи васъ право.„

„Скажите только Царю, примолвила прекрасная *Мирида*, что мы васъ неотступно просили. Объ немъ говорятъ, что онъ добръ. Онъ конечно не поставитъ вамъ въ вину, когда вы шести дамамъ вдругъ отказать не могли.„

О ты, Боговъ, людей, владычица любовь! - воскликнулъ Эврипидъ въ тонѣ трагическомъ, взглянувъ притомъ на прекрасную *Тріаллису*.

„Ежели то правда, что вы говорите, сказала Тріаллиса, съ видомъ такой особы, которая не привыкла ни давать отказа, ни сама принимать его. Ежели то правда, то докажите, что я васъ упросила.

Сіе слово я огорчило другихъ Абдеритянокъ. Мы не будемъ такъ наглы, сказала одна, закуся губы, и отворотясь въ сторону — не надобно отъ гостя требовать того, чего онъ сдѣлать не можетъ, примолвила другая.

Въ удовольствїе ваше, прекрасныя мои дамы, говорилъ стихотворецъ, не возможное сдѣлается у меня возможнымъ.

Поелику въ сихъ словахъ не заключалось *никакого смысла*, то оныя всѣмъ понравились. Онобулъ тотчасъ вынулъ изъ кармана записную свою книжку, дабы въ ней замѣтить *оную мысль*. Замужныя и безбрачныя госпожи бросили взглядъ на Трїаллису, какъ будтобъ сказать хотѣли: что выиграла! Онъ назвалъ и насъ *красавицами*! Не гордись теперь своимъ пригожствомъ; онъ останется здѣсь столькожъ и для насъ, сколько для тебя.

Наконецъ Салабанда прекратила сїю безмолвную ссо-

ру, прося гостя, въ угожденіе ей, такъ какъ и друзьямъ ея, кои всѣ чувствуютъ къ нему великое почтеніе, пробыть еще въ городѣ только завтрашній день. Поелику Эврипидъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ ни малой нужды торопиться, и въ Абдерѣ провождалъ время весьма весело, то не отказываясь болѣе, принялъ предложеніе, обѣщавшее ему изрядной добавокъ для забавныхъ комедій при Дворѣ Пелльскомъ. Такимъ образомъ компанія, въ надеждѣ свиданія завтра опять у Г. Салабанды, разошлась въ полночь съ общимъ удовольствіемъ.

ГЛАВА IX.

Эврипидъ осматриваетъ городъ, вступаетъ въ знакомство съ жрецомъ Стробиломъ, которой расказываетъ ему исторїю Латониныхъ лягушекъ. Достопамятный разговоръ при семъ случаѣ между Демокритомъ, жрецомъ и Стихотворцемъ.

Между тѣмъ Онобулъ, въ препровожденїи нѣсколькихъ молодыхъ господъ одинакого съ нимъ разбору, повелъ гостя по городу, дабы показать ему все, что было въономъ достойно замѣчанїя. На дорогѣ встрѣтился съ ними *Демокритъ*, съ которымъ Эврипидъ издавна знакомъ былъ. Они пошли вмѣ-

стѣ, и какъ городъ Абдера былъ нарочито пространенъ, то оба старики имѣли довольно случая, пользоваться отъ молодыхъ своихъ сопутниковъ, которые безпрестанно болтали, обо всемъ судили рѣшительно, все знали и не могли даже подумать, что для подобныхъ имъ въ присутствїи почтенныхъ и опытныхъ мужей приличнѣе слушать и молчать, нежели молоть пустое и заглушать слухъ вздоромъ.

И такъ Эврипидъ сего утра могъ довольно наслушаться и насмотрѣться. Молодые Абдериты, не выѣжжавшїе никогда за предѣлы своей отчизны, говорили обо всемъ, что ему ни показыва-

вали, какъ о дивѣ, каковому въ свѣтѣ не было подобнаго. Напротивъ того Онобулъ, предпринимавшїй дальныя путешествїя, сравнивалъ все съ тѣмъ, что видѣлъ въ семъ родѣ въ Аѳинахъ, Коринѳѣ и Сиракузахъ, и въ глупомъ тонѣ извиненїя приводилъ множество смѣшныхъ причинъ, по чему оныя вещи въ Аѳинахъ, Коринѳѣ и Сиракузахъ лучше и великолѣпнѣе, нежели въ Абдерѣ.

Молодой Господинъ, сказалъ Демокритъ, похвально, что вы уважаете свою отчизну и родину; но когда вы хотите намъ сїе доказать, то оставьте Аѳины, Коринѳъ и Сиракузы въ покоѣ. Естьли станемъ разсматривать каждую вещь, такъ какъ она

 есть,

есть, то не будетъ нужды ни въ какомъ извиненіи!

Эврипидъ находилъ все, что ему ни показывали, весьма достопамятнымъ; да оно и въ самомъ дѣлѣ таково было! Ибо ему показали библіотеку, въ которой было много безполезныхъ и нечитанныхъ книгъ, кабинетъ медалей, большею частію истертыхъ, богатой гошпиталь, гдѣ много было неимущихъ подъ худымъ присмотромъ, арсеналъ, въ которомъ мало оружія, и колодезь, въ которомъ еще того менѣе воды было. Ему показали также городовую думу, гдѣ столь благоразумно обо всемъ совѣтовано было, храмъ *Язонов*, и позолоченую баранью овчину, которую они, не смотря

тря на то, что на ней мало позолоты осталось, называли *златымъ руномъ*. Посѣтитель обозрѣвалъ также старой закопченой куренiями храмъ Латонинъ, памятникъ *Абдера*, построившаго городъ, и галлерею, гдѣ всѣ Архонты Абдеритскiе были представлены на картинахъ во весь человѣческой ростъ, и всѣ другъ на друга такъ походили, какъ будтобъ последующiй всегда былъ сколкомъ предыдущаго. Наконецъ, когда онъ все осмотрѣлъ, то повели его къ *освященному пруду*, въ которомъ на иждивенiи общественномъ содержались пребольшiя и тучныя лягушки, происходящiя, какъ *жрецъ Стробилъ* увѣрялъ съ важностiю, въ прямой

мой линіи отъ Ликійскихъ земледѣльцовъ, кои скитавшейся, нигдѣ покоя не обрѣтавшей, и жаждою истаявающей Латонѣ не позволяли напиться изъ пруда, имъ принадлежавшаго, и за то отъ Юпитера въ наказаніе превращены въ лягушекъ.

О! почтенный жрецъ, сказалъ Демокритъ, повѣствуйте сему чужестранцу исторію сихъ лягушекъ, и увѣдомьте, по какому случаю освященный прудъ изъ Ликіи чрезъ Іоническое море перемѣщенъ сюда въ Абдеру; ибо, какъ вы знаете, путь оттуда весьма далекъ, простирается чрезъ земли и моря, и, ежели сказать смѣю, то оное обстоятельство есть еще превосходнѣйшее

шее диво, нежели самое превращенiе Ликiйскихъ земледѣльцовъ въ лягушекъ.

Стробилъ съ нѣкоторымъ недоумѣнiемъ поглядѣлъ въ глаза Демокриту и чужестранцу. Но какъ онъ не могъ въ нихъ ничего замѣтить такого, чтобы его оправдало, признать ихъ за кощуновъ, недостойныхъ допущенiя къ толь важнымъ таинствамъ: то просилъ ихъ, сѣсть подъ одно высокое смоковное дерево, осѣнявшее одну сторону низкаго Латонина храма, и повѣствовалъ имъ по томъ съ такою точностiю и откровенностiю, съ каковою повседневныя приключенiя расказываются, все, что ему,

по

по мнѣнію его, объ ономъ дѣлѣ извѣстно было.

„Исторія богослуженія Латонина въ Абдерѣ, говорилъ онъ, теряется во мракѣ глубочайшей древности. Наши предки, Теяне, овладѣвшіе почти за 140 лѣтъ предъ симъ Абдерою, нашли оное введеннымъ съ незапамятуемыхъ временъ; и сей храмъ, есть можетъ быть, одинъ изъ древнѣйшихъ въ свѣтѣ, какъ вы уже по образу его строенія и другимъ признакамъ заключить можете. Вамъ не безызвѣстно, что не позволено поднимать съ дерзкимъ любопытствомъ священную завѣсу, которою время закрыло происхожденіе боговъ и воздаваемое имъ поклоненіе. Все сіе теряется

въ

вЪ тѣхЪ временахЪ, вЪ которыхЪ искусство писать еще не изобрѣтено было. Однако изустное преданiе, переходившее чрезЪ толь многiе вѣки отЪ отца кЪ сыну, больше, нежели довольно, награждаетЪ недостатокЪ письменныхЪ свидѣтельствЪ, и составляетЪ, такЪ сказать, свидѣтельство живое, которое мертвому буквальному по справедливости предпочесть можно. Сiе преданiе повѣствуетЪ такЪ: когда помянутое превращенiе ЛикiйскихЪ земледѣльцовЪ послѣдовало, то сосѣдственные жители и нѣкоторые изЪ самихЪ оныхЪ земледѣльцовЪ, не принимавшiе вЪ злодѣйствѣ прочихЪ никакого участiя, какЪ самовидцы произшед-

шедшаго чуда, признали Латону съ близнятами ея, еще на персяхъ возлежавшими, Аполлономъ и Діаною, за божества; подлѣ того пруда, гдѣ явилось превращеніе, соорудили жертвенникъ, и страну съ кустарниками, окружавшую прудъ, именовали священною рощею. Сія земля называлась тогда еще *Миліею*, и потому превращенные въ лягушекъ земледѣльцы были собственно такъ сказать *Милитяне*; но какъ много времени по томъ спустя, *Ликусъ*, сынъ Пандіона втораго, съ одною Аттическою колоніею овладѣлъ оною землею, то она по имени его названа была *Ликіею*, а старинное ея наименованіе совершенно вышло изъ упо-

треб-

требленія. При семъ случаѣ жители той страны, гдѣ стояли жертвенникъ и роща Латонины, не хотѣвъ подвергнуться власти помянутаго Ликуса, оставили свое отечество, сѣли на корабли, странствовали долгое время по Эгейскому морю, и наконецъ поселились въ Абдерѣ, въ которой люди не задолго предъ тѣмъ моровою язвою почти всѣ истреблены были. При отшествіи своемъ не сокрушались они, какъ повѣствуетъ преданіе, ни о чемъ столько, какъ о томъ, что они должны были оставить освященную рощу и прудъ Латонинъ. Почему по зрѣломъ разсужденіи наконецъ нашли за благо, что лучше всего

будетъ, когда нѣсколько молодыхъ деревьевъ изъ оной рощи съ корнемъ и землею, и нѣсколько лягушекъ изъ онаго пруда въ наполненной священною водою бочкѣ возьмутъ съ собою. Какъ скоро они прибыли въ Абдеру, то первое ихъ старанїе было, выкопать новой прудъ, сей самой, которой вы теперь предъ собою видите.

„Они провели въ него рукавъ рѣки Неста, и населили его потомками превращенныхъ въ лягушекъ Ликїянъ или Милитянъ, ими въ освященной водѣ привезенныхъ. Вокругъ новаго пруда, которому они тщились дать совершенный видъ и величину стараго, разсадили они привезенныя священныя дерева, по-

посвятили ихъ снова въ рощу для Латоны, построили ей сей храмъ, и постановили Жреца для отправленія ей служенія, и для смотрѣнія за рощею и прудомъ, кои такимъ образомъ, безъ толь великаго чуда, какое Г. Демокритъ почиталъ за нужное, перемѣщены изъ Ликіи въ Абдеру. Сей храмъ, роща и прудъ, чрезъ благоговѣніе, которое даже сосѣдственные дикіе Ѳракійцы къ нимъ имѣли, сохранились, не смотря на всѣ перемѣны и противныя обстоятельства, коимъ городъ Абдера въ послѣдствіи подверженъ былъ, до тѣхъ поръ, пока оной наконецъ Теянами, нашими предками, во времена великаго Кира возстановленъ, и, какъ

сказать можно безъ похвальбы, пришелъ въ такое цвѣтущее состоянїе, что не имѣетъ причины, завидовать какому либо другому въ свѣтѣ."

Вы говорите какъ истинной ревнитель по отечеству, почтенный Жрецъ, сказалъ Эврипидъ. Но ежели позволено будетъ, предложить одинъ скромной вопросъ. —

"Спрашивайте — что вамъ угодно, прервалъ его рѣчь Стробилъ; слава Богу! я никогда не запинаюсь въ отвѣтѣ."

И такъ съ позволенїя Вашего Преподобїя! — продолжалъ Эврипидъ — весь свѣтъ знаетъ благородной образъ мыслей и особливую лю-

любовь Тейскихъ Абдеритовъ, которую они имѣютъ къ великолѣпію и изящнымъ наукамъ, и коея достопамятнѣйшіе примѣры повсюду представляются въ ихъ городѣ. Отъ чегожъ происходитъ, особливо когда Теяне уже съ древнихъ временъ прославились отличнымъ благоговѣніемъ къ Латонѣ, что Абдеритамъ не вспало на мысль, соорудить ей огромнѣйшій храмъ?

„Я ожидалъ себѣ такого возраженія„ сказалъ Стробилъ съ улыбкою, приподнявъ брови вверхъ, и показываясь надъ мѣру умнымъ. —

Пусть это не будетъ возраженіемъ, продолжалъ Эврипидъ, но только скромнымъ вопросомъ.

„Я не премину вамъ отвѣчать на него, сказалъ Жрецъ. Безъ сомнѣнія для республики легко бы было, построить Латонѣ яко *богинѣ первой степени* столь же огромной храмъ, какой сооруженъ Язону, хотя онъ *токмо герой* былъ. Но она по справедливости думала, что поклоненіе, которымъ мы обязаны матери Аполлона и Діаны, требуетъ того, чтобъ перводревній храмъ ея оставленъ былъ такимъ, какимъ найденъ; и оной, не смотря на то, есть и пребудетъ главнѣйшимъ и священнѣйщимъ храмомъ въ Абдерѣ, чтобы ни говорилъ противъ сего Жрецъ Язоновъ,

Стробилъ выговорилъ сіи послѣднія слова съ жаромъ и нѣ-

нѣкоторою запальчивостію, такъ что Демокритъ почелъ за нужное его увѣрить, что въ семъ дѣлѣ тотъ только спорить будетъ, кто четырехъ перечесть не умѣетъ.

„Однакожъ, продолжалъ главной Жрецъ, республика оказала такіе опыты отличной своей къ храму Латонину приверженности, что непорочность ея намѣреній не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она для совершенія обрядовъ не токмо учредила шестерыхъ Жрецовъ, коихъ первостоятелемъ быть я недостойной честь имѣю, но также изъ Членовъ Сената опредѣлила трехъ попечителей священнаго пруда, изъ коихъ главной избирается всегда изъ старѣйшинъ град-

 скихъ.

скихъ. Да и по причинамъ, основательности которыхъ не позволено болѣе оспоривать, распространила она неприкосновенность лягушекъ Латонина пруда на всѣ животныя сего рода во всемъ своемъ владѣніи; и на сей конецъ всѣхъ аистовъ, журавлей и другихъ птицъ, во враждѣ съ ними находящихся, изгнала изъ своихъ предѣловъ.,,

Естьлибъ увѣреніе, что не позволено, долго сомнѣваться въ правильности помянутаго поступка, не заграждало устъ моихъ, примолвилъ Демокритъ, то бы я осмѣлился напомянуть, что оной по видимому основывается болѣе на боязненной въ разсужденіи лягушекъ набож-

божности, хотя по себѣ похвальной, однакожъ совсѣмъ изъ границъ выходящей, нежели на сущности дѣла или того почтенїя, которымъ мы обязаны Латонѣ. Ибо въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего достовѣрнѣе, какъ то, что лягушки въ Абдерѣ и въ окрестностяхъ, кои жителямъ сдѣлались уже въ великую тягость, расплодятся со временемъ подъ толь сильнымъ покровительствомъ до того, что я не понимаю, какъ бѣдные наши потомки съ ними ужиться могутъ. Я говорю объ этомъ только *по человѣчески*, и подвергаю мнѣнїе мое суду вышшихъ моихъ начальниковъ, такъ какъ сїе здравомыслящему Абдериту приличествуетъ.

 „Вы

„Вы хорошо сдѣлаете, сказалъ Стробилъ, искренно ли вы говорите или нѣтъ; и не погнѣвайтесь, сдѣлаете еще лучше, когда мнѣнія свои не столь громко проповѣдывать будете. Впрочемъ не можетъ быть ничего смѣшнѣе, какъ бояться лягушекъ; и подъ защитою Латоны, думаю я, можемъ мы презирать опаснѣйшихъ непріятелей, нежели каковыми сіи кроткіе и невинные звѣрки когда либо быть могутъ, хотя бы они и сдѣлались нашими непріятелями.„

Я то же думаю, сказалъ Эврипидъ, и удивляюсь, какъ толь великому испытателю естества, каковъ Демокритъ, могло быть не извѣстно, что лягушки, питающіяся насѣко-

сѣкомыми и маленькими улитками, людямъ паче полезны, нежели вредны.

Жрецу Стробилу сїе замѣчанїе такъ понравилось, что онъ съ той же минуты сдѣлался высокимъ милостивцомъ и покровителемъ нашего стихотворца. Едва они откланялись ему, какъ пошелъ онъ въ нѣкоторые изъ лучшихъ домовъ, и увѣрялъ, что Эврипидъ мужъ съ великими достоинствами. „Я примѣтилъ весьма ясно, говорилъ Жрецъ, что онъ съ Демокритомъ не во всемъ согласенъ; ибо онъ одинъ или два раза оттопчивалъ его добрымъ порядкомъ. Онъ дѣйствительно умной человѣкъ — сколько требуется для стихотворца.„

ГЛА-

ГЛАВА X.

Сенатъ Абдеритской позволяетъ Эврипиду безъ его исканія и прозьбы, представить одну изъ піесъ своихъ на Абдеритскомъ театрѣ. Обыкновенная въ такихъ случаяхъ уловка Абдеритской канцеляріи. Хитрой поступокъ Номофилаксовъ. Достопримѣчательной способъ Абдеритовъ, оказывать всякое вспоможеніе тому, кто имъ препятствовалъ.

Когда Эврипидъ осмотрѣлъ всѣ *рѣдкости въ Абдерѣ*, то повели его въ садъ Салабандинъ, гдѣ онъ нашелъ Совѣтника ея супруга, (которой по ней токмо былъ важенъ) и многочисленную ком-

компанїю отборныхъ и лучшихъ Абдеритовъ и Абдеритянокъ, большой свѣтъ составлявшихъ, кои съ нетерпѣливымъ любопытствомъ дожидались, какъ Еврипидъ себя покажетъ.

Эврипидъ къ избавленїю себя отъ хлопотъ и къ сохраненїю своей чести не нашелъ инаго средства, какъ то — чтобъ въ знаменитой Абдеритской компанїи быть не *Эврипидомъ* — но сколько можно Абдеритомъ. Созванные гости удивлялись, видя, что онъ одинаковаго съ ними расположенїя мыслей. Это прелюбезной человѣкъ, говорили они; кажется, что будто бы онъ весь свой вѣкъ прожилъ въ Абдерѣ.

Между тѣмъ козни со стороны Гжи. Салабанды строились весьма удачно, и слѣдующаго утра уже разнесся по всему городу слухъ, что чужестранной Стихотворецъ со свитою своею будетъ представлять комедію, каковой въ Абдерѣ еще не видано.

Тогда былъ день совѣтнаго засѣданія. Всѣ члены собрались, и одинъ спрашивалъ другаго, когда Эврипидъ играть будетъ свою піесу? Никто не зналъ о томъ, хотя каждой увѣрялъ положительно, что приготовленія къ тому уже сдѣланы.

Когда Архонтъ предложилъ о сей новости, то друзья Номофилаксовы не мало

ло тѣмъ оскорбились. „За чѣмъ, говорили они, насъ еще спрашивать, позволимъ ли мы то, что уже рѣшено, и о чемъ всякъ отзывается, какъ о несомнительномъ дѣлѣ?„

Одинъ изъ жаркихъ Совѣтниковъ утверждалъ, что Сенатъ оное дѣло остановить долженъ, дабы показать, что власть въ его рукахъ.

„Куда бы я годился съ своимъ правомъ, вскричалъ цеховой мастеръ *Пфримъ*, естьлибъ я Сенату далъ волю поперечить, когда весь городъ съ нетерпѣливостїю хочетъ увидѣть и послушать чужестранныхъ комедїантовъ? Нѣтъ, я утверждаю противное. Поелику народъ же-

желаетъ ихъ видѣть и слышать, то они и должны играть непремѣнно! Fox populus, fox Deus! была всегдашняя моя *пословица*, и останется до тѣхъ поръ, пока я цеховымъ мастеромъ Пфримомъ называться буду!„

Большая часть членовъ присоединилась къ сторонѣ цеховаго мастера. Правительственной Совѣтникъ пожималъ плечами, подтверждалъ и опровергалъ, и наконецъ заключилъ тѣмъ, что когда Номофилаксъ ничего не имѣетъ представить противъ онаго запроса, то по мнѣнію его можно на сей разъ посмотрѣть на все дѣло *сквозь пальцы*, и позволить, чтобъ чужестранцы сыграли на городовомъ театрѣ.

Номо-

Номофилаксъ между тѣмъ только морщился, поглаживалъ усы свои, и проговаривалъ нѣсколько нескладныхъ словъ, прерывая смѣхомъ. Ему крайне не хотѣлось притти въ подозрѣніе, будто онъ противоборствуетъ. Однако, чѣмъ болѣе старался онъ скрыть внутреннія свои движенія, тѣмъ виднѣе оныя были. Онъ примѣтно надувался, какъ Индѣйской пѣтухъ, когда кажутъ ему красной лоскутъ, и наконецъ, когда надлежало ему либо лопнуть, либо проговорить, сказалъ: „Государи мои, что бы вы ни думали — но я дѣйствительно первой желаю послушать новой піесы. Безъ сомнѣнія Поэтъ самъ сочинилъ слова и музыку, которыя будутъ

конечно совершенною диковинкою. Но какъ ему долго здѣсь пробыть не льзя, то я не знаю, какъ онъ съ декораціями управиться можетъ. Естьлижъ намъ для хоровъ употребить своихъ людей; то къ сожалѣнію скажу, что ближе двухъ недѣль нѣчего о томъ и думать.„

Оставьте это на попеченіе Эврипидово, сказалъ одинъ изъ старѣйшинъ, котораго устами говорила Г. Салабанда; ему изъ чести поручить надобно полное смотрѣніе за его театромъ — безъ нарушенія правъ почтеннаго Номофилакса и театральной коммисіи, примолвилъ Архонтъ.

„По

„По мнѣ пожалуй, сказалъ *Гриллъ*; вы хотите чего-то новаго — я не препятствую, въ доброй часъ! Я самъ любопытенъ послушать. Все дѣло въ томъ, что кому больше вѣрятъ, или нѣтъ — разумѣете ли вы меня? — Между тѣмъ право останется правомъ, и музыка музыкою; я бьюсь, объ чемъ хотите, что терціи, квинты и октавы Аѳинянъ точно также зазвѣнятъ какъ и наши. Ха, ха, ха, ха!„

И такъ большинствомъ голосовъ положено, „чужестраннымъ комедіантамъ, *однажды навсегда* и притомъ не въ примѣръ, позволить, чтобъ они на Абдеритскомъ театрѣ представили трагедію, имъ для се-

го со стороны театральной управы оказать всякое пособіе, и изъ казны выдать на расходы надлежащую сумму.,, Но поелику выраженіе *позволить* могло бы Эврипиду, которой ничего не требовалъ, а токмо упрошенъ былъ, показаться весьма оскорбительнымъ; то *Госпожа Салабанда* чрезъ Секретаря совѣта, ея короткаго пріятеля и вѣрнаго слугу, въ *опредѣленіи* слово *позволить*, перемѣнила въ однознаменательное слово *упросить*, и *чужестранныхъ комедіантовъ перемѣнила славнаго Эврипида* — во всемъ другомъ *безъ предосужденія* приговору совѣта и канцеляріи и не въ примѣръ прочимъ.

Какъ скоро Сенатъ разошелся, то Номофилаксъ явясь къ Эврипиду, осыпалъ его учтивостями, предлагалъ ему свои услуги, и обнадежилъ его, что ему сдѣлано будетъ *всякое возможное пособіе* для скорѣйшаго представленія новой его піесы. Успѣхъ отъ сего обнадеживанія былъ тотъ, что Эврипиду сдѣланы были всѣ возможныя препятствія, хотя никто виноватымъ быть не хотѣлъ, и что всего не доставало, въ чемъ онъ имѣлъ нужду. Когда онъ жаловался, то всегда одинъ отсылалъ его къ другому — и каждой оправдывалъ себя своею невинностію и доброю волею, давая весьма ясно знать, что остановка отъ того или

другаго зависитъ, которой за четверть часа предъ тѣмъ столь сильно увѣрялъ въ доброй своей волѣ.

Эврипидъ Абдеритскимъ порядкомъ въ дѣланіи всякаго возможнаго пособія весьма прискучилъ, и не могъ преминуть, дабы Госпожѣ Салабандѣ на третій день по утру не отозваться, что онъ намѣренъ, съ первымъ вѣтромъ, откуда онъ ни подуетъ, опять сѣсть въ корабль, ежели она не исходатайствуетъ ему опредѣленія въ совѣтѣ, которымъ бы коммисіи препоручено было, *не дѣлать* ему *никакого пособія*. Поелику же Архонтъ, хотя собственно вся *исполнительная* власть отъ него зависѣла, былъ самъ чело-

вѣкъ весьма не исполнитель-
ной; то единое въ семъ слу-
чаѣ оставалось средство, рас-
трогать цеховаго мастера
Пфрима и Жреца Стробила,
кои могли располагать наро-
домъ, какъ хотѣли. Салабан-
да сняла на себя и то и
другое съ столь хорошимъ
успѣхомъ, что за одни сут-
ки все, что отъ театраль-
ной коммисіи заимствовать
надлежало, было изготовле-
но; а сіе могло произойти
тѣмъ удобнѣе, поелику Эв-
рипидъ имѣлъ при себѣ соб-
ственныя свои декораціи, и
такимъ образомъ почти ни-
чего болѣе дѣлать не оста-
валось, какъ токмо принаро-
вить ихъ къ Абдеритскому
театру.

ГЛАВА XI.

Андромеда Эврипидова, не смотря на всѣ препятствія, наконецъ представлена отъ собственной его труппы. Чрезвычайная чувствительность Абдеритовъ. Разсужденіе, которое принадлежитъ къ поучительнѣйшимъ во всемъ сочиненіи, а потому и не произведетъ отъюдъ никакой пользы.

Абдериты ожидали *новой* піесы, и для того весьма были не довольны, услышавъ, что играна будетъ таже самая Андромеда, которую, по мнѣнію ихъ, они за нѣсколько дней уже предъ тѣмъ видѣли. А еще менѣе показались имъ сначала чужестранные игроки, коихъ голосъ и пред-

представленіе столь были естественны, что Абдеритскіе зрители — пріобыкши героевъ и героинь своихъ видѣть бѣснующимися, и слышать заглушающій крикъ ихъ, подобно какъ уязвленнаго Марса въ Иліадѣ — не могли къ тому ума приложить. Какая странная игра, шептали они одинъ другому на ухо; не примѣтно даже, въ комедіи ли мы или нѣтъ; и кажется точно, какъ будто бы они играютъ собственныя свои роли. Между тѣмъ удивлялись они однакожъ декораціямъ, написаннымъ въ Аѳинахъ однимъ живописцомъ славнымъ въ театральной перспективѣ; и поелику большая ихъ часть во всю жизнь свою ничего хорошаго въ семъ

родѣ не видали, то думали они, что околдованы, видя предъ собою морской берегъ, гору, къ которой прикована была Андромеда, рощу Нереидъ при маломъ заливѣ съ одной, и дворецъ Царя Кефея вдали съ другой стороны, въ совершенной натурѣ, и поклялись бы, что все такъ дѣйствительно и подлинно существуетъ, какъ глазамъ имъ представлялось. А поелику сверьхъ того музыка совершенно соотвѣтствовала смыслу стихотворца, и слѣдственно *была* всѣмъ тѣмъ, чѣмъ отнюдъ не была музыка Номофилакса Грилла; поелику она всегда дѣйствовала прямо на сердце, и не смотря на простоту, всегда новостію своею поражала:

жала: то все сїе, соединясь съ живостїю и подлинностїю произношенїя и безмолвнаго дѣйствованїя, съ прїятностїю голосовъ и разговора, произвело въ Абдеритахъ нѣкоторой степень очарованїя, каковаго они еще ни въ одномъ зрѣлищѣ на себѣ не испытали. Они совсѣмъ позабыли, что сидѣли въ отечественномъ своемъ театрѣ, въ мысляхъ не примѣтно перешли въ самую сцену дѣйствїя, принимали участїе въ благополучїи и злоключенїи представляющихъ лицъ, какъ будто они были ближайшїе ихъ сродники, печалились и крушились, надѣялись и боялись, любили и ненавидѣли, плакали и смѣялись, такъ какъ угодно было

ло тому волшебнику, подъ властїю котораго они находились, — словомъ, Андромеда подѣйствовала на нихъ чрезвычайно, и самъ Эврипидъ признавался, что оная пїеса еще никогда не сопровождалась растроганными чувствами до такого высокаго степени.

Мы испрашиваемъ – мимоходомъ — благосклоннѣйшаго извиненїя у чувствительныхъ молодыхъ дамъ и кавалеровъ нашего времени, сдѣлавшагося отъ чувствительности совершенно безчувственнымъ! – по истиннѣ мнѣнїе наше не то было, чтобъ сею картиною чрезвычайной *чувствительности* Абдеритовъ — подшутить надъ

ними — и какъ бы чрезъ то заставить нѣкоторымъ образомъ сомнѣваться въ *здравомъ разсудкѣ ихъ же* самихъ, или другихъ людей. — Мы повѣствуемъ только обстоятельство, какъ оно случилось; и кому чрезмѣрная чувствительность *въ Абдеритахъ* покажется странною, того просимъ мы учтивѣйшимъ образомъ — подумать, что они при всемъ своемъ *Абдеритствѣ*, были однакожъ люди, такъ какъ и другїе; да и въ нѣкоторомъ смыслѣ были *тѣмъ болѣе люди — чѣмъ болѣе они были Абдериты.* Ибо самое ихъ Абдеритство причиняло то, что ихъ также легко обмануть было можно, *какъ птицъ, кои клевали намалеван-*

ванныя виноградныя ягоды Зевксовы; поелику они каждому впечатлѣнію, особливо подражательнымъ вымысламъ искусства, предавались гораздо неосторожнѣе, безпечнѣе и чистосердечнѣе, нежели какъ обыкновенно дѣлаютъ тонкіе и хладнокровнѣйшіе, слѣдственно и разумнѣйшіе люди, коимъ не такъ легко воспрепятствовать можно, чтобъ они сквозь каждой туманъ чародѣйства и волхвованія, коимъ они окружены, не проникали острымъ взоромъ.

Впрочемъ сочинитель сей исторіи дѣлаетъ здѣсь слѣдующее замѣчаніе: *Великое расположеніе Абдеритовъ, обманываться искусствами вообраafженія и подражанія, не*

естъ

есть то, что онъ въ нихъ всего менѣе любитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стихотворцамъ, музыкантамъ, живописцамъ худое щастїе въ просвѣщенной и тонкой публикѣ: и именно всего труднѣе удовольствовать *мнимыхъ* или *мечтательныхъ знатоковъ*, кои въ таковой публикѣ всегда превосходнѣйшее число составляютъ. Сїи люди вмѣсто того, чтобъ ко впечатлѣнїю расположить себя, стараются паче, сколько можно, оному воспрепятствовать. Вмѣсто того, чтобъ пользоваться тѣмъ, что есть, умничаютъ о томъ, что быть бы могло. Вмѣсто того, чтобъ къ обольстительнымъ видамъ принаро-

вить-

виться, (*) въ которыхъ отнимая очарованіе, не можемъ мы ничего произвести, какъ только лишимъ себя удовольствія: поставляютъ себѣ не знаю за какую-то ребятамъ свойственную честь, философствовать не кстати; принуждаютъ себя смѣяться тамъ, гдѣ люди предавшись врожденному своему чувствованію, имѣютъ слезы на глазахъ, и гдѣ сіи смѣются, тамъ съ хладнокро-

(*) Разумѣется само собою, что долгъ Стихотворца есть, очарованіе производить и подкрѣплять; ибо какоежъ впрочемъ имѣлъ бы онъ право, требовать отъ насъ, чтобъ мы въ угодность ему притворялись, будто видимъ то, чего онъ намъ не показываетъ, чувствуемъ, чего онъ чувствовать насъ не заставляетъ, и проч.

кровїемъ пожимать плечами, дабы показать видъ, какъ будто бы столь *глубоки* или *тонки* или *учены*, *что не могутъ чѣмъ либо такимъ* поколебаны быть.

Но и дѣйствительные знатоки сами растворяютъ съ горечью услажденїе, которое бы они отъ тысячи предметовъ, *въ своемъ родѣ* хорошихъ, имѣть могли, *сравненїями* оныхъ съ вещами другаго рода; такими сравненїями, которыя большею частїю несправедливы и всегда противоположены собственной же нашей пользѣ. Ибо весь выигрышъ нашей притомъ суетности, состоящїй въ *презрѣнїи удовольствїя*, есть одна только пустая тѣнь, за которою го-

няемся, между тѣмъ какъ дѣйствительной предметъ остается безъ употребленія, и такъ сказать изъ рукъ вылетаетъ.

По чему находимъ мы, что всегда между грубыми и не обдѣланными еще людьми, питомцы музъ производили тѣ великія чудеса, о которыхъ говорятъ еще и понынѣ, не зная прямо, что сказать хотятъ. Лѣса во Ѳракіи плясали по лирѣ *Орфеевой*, и дикіе звѣри смягчались у ногъ его, не по тому, что *онъ* — былъ *полубогъ*, но по тому, что *Ѳракіане* — были *медвѣди*; не по тому, что онъ пѣлъ *превыше человѣческой природы*, но по тому, что слушатели его внимали ему *слухомъ*,

како-

каковой они *единственно отъ простой натуры* имѣли; словомъ, по той же самой причинѣ, по которой (по объявленію *Форстерову*) Шотландская волынка добрыхъ жителей *Тагита* привела въ восхищеніе.

Благосклонной читатель, когда ему угодно, сдѣлаетъ самъ сіе, не весьма новое, однако весьма дѣльное и опытное замѣчаніе, толь часто слышанное, но всегда почти выпускаемое изъ виду. Собственная наша совѣсть можетъ сказать намъ, больше или меньше мы въ другихъ случаяхъ бываемъ Ѳракіанами и Абдеритами: но есть-либъ мы въ одномъ только семъ пунктѣ таковы были, то тѣмъ бы лучше было для

насъ — такъ какъ безъ сомнѣнія и для самой большей части стихотворныхъ нашихъ гудошниковъ.

ГЛАВА XII.

Какъ всѣ Абдериты отъ удивленія и восхищенія, Андромедою Эврипидовою произведеннаго, ошалѣли и рехнулись ума. Философское и критическое разсужденіе о семъ странномъ родѣ сумасшествія, которое у древнихъ вообще называется Абдеритскою болѣзнію — усерднѣйше посвящаемое историческимъ писателямъ.

Когда занавѣсъ опущенъ былъ, то Абдериты все еще смотрѣли вытараща глаза и ра-

разинувъ ротъ на мѣсто зрѣлища; и на нихъ нашелъ такой столбнякъ, что они не только позабыли по обыкновенію своему спросить, *какъ показалась вамъ піеса?* но и позабылибы даже бить въ ладоши, естьлибъ Салабанда и Онолай (кои при всеобщей тишинѣ прежде всѣхъ пришли опять въ чувство) не загладили вскорѣ сей погрѣшности, и не избавилибъ чрезъ то отъ стыда своихъ согражданъ, что они въ первой разъ не били въ ладоши, когда дѣйствительно имѣли къ тому причину. Но за то наградили они потерю съ лихвою. Ибо, какъ скоро сдѣлано было начало, то принялись хлопать они такъ громко и такъ долго, что

послѣ никто уже не чувствовалъ рукъ своихъ. Тѣ, кои выбились изъ силъ, отдохнувъ на минуту, начинали по томъ еще сильнѣе, пока отъ другихъ, между тѣмъ отдыхавшихъ, опять смѣнялись. Но сего шумнаго одобренія еще не довольно. Абдериты видѣнными и слышанными чудесами восхищены были такъ, что почли за нужное, восторгъ свой обнаружить еще другимъ образомъ. Нѣкоторые, идучи домой, останавливались на большихъ улицахъ, и декламировали во весь голосъ тѣ мѣста изъ піесы, которыми они наипаче были тронуты. Другихъ толь сильная охота разобрала *пѣть*, что они пѣли и повторяли, хорошо

или

или худо то, что изъ прекрасныхъ арій упомнили. Сей припадокъ непримѣтно, какъ то въ таковыхъ случаяхъ обыкновенно бываетъ, сдѣлался всеобщимъ; казалось, что нѣкая волшебница жезломъ своимъ прикоснулась къ Абдерѣ, и всѣхъ ея жителей превратила въ комедіантовъ и пѣвцовъ. Всякъ, имѣющій токмо дыханіе, говорилъ, пѣлъ и насвистывалъ, на яву и во снѣ, многіе дни сряду не иное что, какъ мѣста изъ Андромеды Эврипидовой; вездѣ слышима была большая арія — *О ты, боговъ, людей властитель, Купидонъ* и проч. воспѣваемая до тѣхъ поръ, пока подлиннаго ея напѣва отнюдъ ни тѣни не оставалось, и ре-

несленные подмастерья и работники, къ коимъ она перешла наконецъ, орали ее по ночамъ на улицѣ по собственному своему напѣву.

Естьлибъ совѣтъ (такъ какъ многїе другїе, преподаваемые намъ отъ мудрецовъ) не имѣлъ единой погрѣшности — что онъ не удобенъ къ исполненїю, тобъ мы сколько можно поспѣшили, дать совѣтъ всѣмъ людямъ, чтобъ они *всякому приключенїю, имъ повѣствуемому, никогда не вѣрили ни въ одномъ словѣ*. Ибо безчисленные опыты, сдѣланные въ разсужденїи сего нами болѣе тритцати лѣтъ, удостовѣрили насъ, что во всѣхъ таковыхъ повѣствованїяхъ обыкновенно нѣтъ ни

въ

въ одномъ словѣ *правды* ; и въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ вспомнить ни единаго случая, въ которомъ бы обстоятельство, хотя за нѣсколько токмо часовъ приключившееся, не расказывано было каждымъ расказщикомъ иначе, (слѣдственно поелику обстоятельство въ одномъ токмо видѣ есть истинно) каждымъ не расказывано бы было ложно.

Естьлижъ таковы суть повѣствованія и о тѣхъ происшествіяхъ, кои сбываются въ наше время, въ мѣстѣ нашего пребыванія, и почти предъ нашими глазами : то легко судить можно, сколь достовѣрно и подлинно долженствуетъ быть описаніе давнихъ происшествій, о ко-

ихъ инаго свидѣтельства не имѣемъ, кромѣ того, что есть въ писанныхъ или печатныхъ книгахъ. Богъ знаетъ, какія претерпѣваетъ въ нихъ мытарства бѣдная истинна, и сколько ея остаться можетъ, когда она нѣсколько тысячь лѣтъ чрезъ всѣ искажающія средства преданій, лѣтописей, прагматическихъ исторій, краткихъ перечней, историческихъ словарей, собраній анекдотовъ и проч., и чрезъ толь многія умытыя и неумытыя руки писцовъ и перепищиковъ, наборщиковъ и переводчиковъ, ценсоровъ и корректоровъ и проч. ошарена, ограблена и изуродована! Точнѣйшее разсматриваніе сихъ обстоятельствъ побуждало меня уже да-

давно, сдѣлать обѣщанiе; чтобъ не писать никакой другой исторiи, какъ только о людяхъ, въ бытiи которыхъ — и о происшествiяхъ, въ достовѣрности коихъ — ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ не можетъ имѣть ни малѣйшей нужды.

Причиною сего краткаго замѣчанiя есть происшествiе, теперь нами повѣствуемое, которое отъ разныхъ писателей, о немъ упоминающихъ, представлено въ толь превратномъ видѣ, и въ толь худую сторону растолковано, что добросердечной, никакого зла не мыслящiй читатель, едва ли то себѣ представить можетъ.

На примѣръ, *Йорикъ*, сей изобрѣтатель, отецъ, образцовой подлинникъ всѣхъ

чувствительныхъ путешествій и такихъ же путешественниковъ, кои безъ кошелька и кармана, и не истоптавъ тѣмъ временемъ и двухъ паръ башмаковъ, предпринимали, невѣдь куда, чувствительныя путешествія, въ томъ единственно намѣреніи, дабы описаніемъ оныхъ заплатить издержки на табакъ и пошпиво — *Ёрикъ*, говорю, которой, чтобъ въ славной свой Sentimental Journey сочинить хорошенькую главу изъ сего самаго происшествія, такъ его подделалъ, что хотя оно учинилось столь же страннымъ и чуднымъ, какъ сказки о вѣдьмахъ; однакожъ при томъ потеряло и всѣ свои *неотъемлемыя истинны*, и даже всякое сходство

ство семейственное Абдеритовъ.

Послушаемъ только! — „Городъ Абдера (говоритъ онъ) былъ *безступнѣйшій* и *безбожнѣйшій* во всей Ѳракіи — въ немъ непрестанныя были видимы отравленія ядомъ, заговоры, смертоубійства, язвительныя сочиненія и мятежи. Среди бѣла дни нельзя было жизни своей сохранить въ безопасности; а въ глухую полночь и того еще меньше. Когда ужасныя беззаконія достигли высочайшаго степени, то по случаю въ Абдерѣ представлена была Андромеда Эврипидова. Она понравилась всѣмъ зрителямъ; однако изъ всѣхъ мѣстъ, коими народъ плѣнялся, ни одно такъ сильно

на его воображенїе не подѣйствовало, какъ слѣдующая нѣжными чувствами самой природы преисполненная, и стихотворцемъ включенная трогательная рѣчь Персеева. —

О ты, боговъ, людей владычица, любовь!

Всѣ говорили слѣдующаго дня ямбами, и ни о чемъ другомъ, какъ токмо о трогательныхъ словахъ Персеевыхъ: *О ты любовь, владычица боговъ, людей!* (*) — на

(*) Ежели сказать по правдѣ, то сей стихъ одинъ только и есть *трогательной* во всемъ отрывкѣ рѣчи Персеевой, попавшемся случайнымъ образомъ намъ въ руки, какъ наши читатели, знающїе по Гречески, сами судить мо-

на каждой улицѣ въ Абдерѣ, въ каждомъ дому! „ *О ты любовь, любовь!* — Въ устахъ каждаго только и твердились слова: *О ты, боговъ, людей владычица, любовь!* Пламя разлилось во всѣ стороны, и весь городъ, подобно сердцу единаго человѣка, открылъ себя впечатлѣнію любви. Продавецъ кореньевъ не могъ ни одного скрупула чемерицы сбыть съ рукъ — ковачь желѣза не имѣлъ мужества заготовить ни одного орудія смерти —

дру-

могутъ — ибо слова въ немъ гласятъ такъ:

Αλλ' ω τυραννε Θεων τε κανθρωπων, Ερως,
Η μη διδασκε τα καλα Φαινεσθαι καλα,
Η τοις ερωσιν, ων συ δημιουργος ει,
Μοχθουσι μοχθους ευτυχως συνεκπονει, κ. τ. λ.

дружество и добродѣтель срѣтались по стогнамъ — златой вѣкъ возвратился и парилъ надъ городомъ Абдерою. Каждой Абдеритъ принимался пѣть, и каждая Абдеритянка оставляла свою ткань, и сидя цѣломудренно, внимала оному сладкогласїю!

Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная глава! Всѣ молодцы и дѣвушки нашли ее *забавною* — *Любовь, любовь! боговъ, людей владычица, любовь!* — И что одинъ стихъ изъ Эврипида — стихъ, каковыхъ по истиннѣ — хотя поклясться обоими ушами Царя Мидаса! — самой послѣднїй изъ вашихъ пѣсенниковъ всякую минуту десятка по два, на одной ногѣ повертываясь,

ваясь сдѣлать отважится — могъ произвести чудо, какого всѣ олтареслужители, пророки и мудрецы со всего свѣта, не были въ состояніи произвести ни одного раза — чудо, толь безстудной, развратной и злочестивой городъ и республику, какова будто бы была Абдера, превратить вдругъ въ невинную, любви преисполненную Аркадію — сіе безъ сомнѣнія нравится молодымъ, легкоперымъ, чувствительнымъ и нѣжно воркующимъ голубямъ и голубкамъ! Жаль только, какъ сказано, что во всей исторіи, братомъ Йорикомъ повѣствуемой, нѣтъ правды ни въ одномъ словѣ.

Вся тайность состоитъ въ томъ, что сей странной человѣкъ *былъ влюбленъ*, когда выше приведенное воображалъ; и такимъ образомъ (какъ съ каждымъ честнымъ Аморозомъ и Виртуозомъ, ѣздокомъ на деревянномъ конѣ и путешественникомъ въ луну обыкновенно случается) написалъ мечтанія свои за истинну. Только то въ немъ не похвально, что онъ — для оказанія большей учтивости любимому своему Купидону — взводитъ на бѣдныхъ Абдеритовъ такія тяжкія преступленія, какія токмо выдумать можно. Но пусть вся Греческая и Римская древность выступитъ и засвидѣтельствуетъ, говорено ли когда либо такимъ образомъ

объ

объ оныхъ добрыхъ людяхъ! Извѣстно, что они всеконечно имѣли свои забобоны и бредни, и то, что въ собственномъ смыслѣ называется благоразумїемъ и мудростїю, было не ихъ дѣло; но естьли для того самаго городъ ихъ превращать въ вертепъ разбойниковъ, то сїе значитъ, выходить нѣсколько за границы проповѣдуемой стихотворческой вольности, которая (сколь бы пространное рысталище ей ни позволено было) должна наконецъ, какъ всѣ другїя вещи въ свѣтѣ, ограничиваться своими предѣлами.

Лукїанъ Самосатскїй, во вступленїи славной своей книжки, *какъ должно писать исторїю — естьли кто можетъ*,

жетъ, повѣствуетъ обстоятельство совсѣмъ иначе, хотя, съ позволенія его, не много справедливѣе Йорика. Онъ по видимому что нибудь слышалъ о Царѣ Архелаѣ и Андромедѣ Эврипидовой, о странномъ умоизступленіи Абдеритовъ, и о томъ, что наконецъ найдено за нужное, призвать на помощь Иппократа, для приведенія въ Абдерѣ всего въ прежній порядокъ. — И теперь посмотримъ, какъ онъ все сіе смѣшиваетъ! — „Комедіантъ *Архелай* прибылъ во дни Царя Лисимаха въ Абдеру, и представилъ Андромеду Эврипидову. Тогда день былъ чрезвычайно жаркой. Солнце палило лучами своими головы Абдеритовъ, кои и такъ бы-

были уже довольно разогрѣты. Весь городъ возвратился изъ комедіи домой въ сильной горячкѣ. Въ седьмой день болѣзнь у многихъ прекратилась или жестокимъ изъ носу кровотеченіемъ или сильнымъ потомъ; напротивъ того остался въ нихъ отъ нее странной родъ припадка. Ибо, какъ скоро горячка миновалась, то напала на всѣхъ ихъ непреодолимая охота, декламировать стихи изъ трагедіи. Они говорили одними только ямбами, кричали, стоя и ходя, изо всей мочи цѣлыя мѣста изъ Андромеды, пѣли монологъ Персеевъ,, и проч.

Лукіанъ, по охотѣ своей къ насмѣшкамъ, весьма забавлялся представленіемъ

тѣхъ смѣшныхъ дурачествъ, которыя можно было видѣть, когда всѣ улицы въ Абдерѣ наполнены были блѣдными, выпуклыя пуза потерявшими, и отъ семидневной горячки изсохшими трагиками, кои надрываясь пѣли, „*О ты, боговъ, людей владычица, любовь!*„ и проч.; и онъ увѣряетъ, что сїя зараза продолжалась до тѣхъ поръ, пока наконецъ прекращена была зимою и наступившею жестокою стужею.

Признаться должно, что Лукїановъ способъ, повѣствовать происшествїя, превосходитъ во многомъ Йориковъ. Ибо сколь ни чудною кажется такая Абдеритская горячка, однакожъ *всѣ врачи* согласятся, что она по крайней

ней мѣрѣ *возможна*, *и всѣ стихотворцы*, что она *соотвѣтственна характеру.* И такъ можно въ разсужденіи сего употребить здѣсь обыкновенную Италіанцовъ пословицу: Se non è vero, è ben trovato, *хоть солгано*, *да складно.* И въ самомъ дѣлѣ *правды* нѣтъ, какъ явствуетъ изъ одного только обстоятельства, что въ то время, когда оное приключеніе будто бы послѣдовало въ Абдерѣ, собственно никакой уже Абдеры не было, поелику Абдериты еще за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ оттуда выбрались, и городъ свой оставили во владѣніе лягушкамъ и крысамъ.

Кратко сказать, обстоятельство случилось — такъ

какъ

какъ мы его повѣствовали; и ежели кто припадокъ, которому Абдериты подверглись послѣ Андромеды Эврипидовой, назвать хочетъ горячкою: то она по крайней мѣрѣ была не другая, какъ горячка происходящая отъ театра, коею нѣкоторые города на земномъ нашемъ шарѣ видимъ одержимыми еще и по нынѣ. Она состояла не столько въ крови, сколько въ Абдеритствѣ оныхъ древнихъ жителей.

Между тѣмъ не льзя отрицать того, что нѣкоторые, въ коихъ помянутая болѣзнь нашла болѣе для себя пищи, нежели въ другихъ, занемогли ею столь сильно, что имѣли нужду во врачѣ, изъ чего вѣроятно и про-

изо

изошла въ послѣдствіи времени ошибка Лукіанова, что все оное дѣло почелъ нѣкоторымъ родомъ горячки. По щастію Иппократъ находился еще по близости; и какъ онъ уже довольно зналъ свойство и натуру Абдеритовъ: то *нѣсколько фунтовъ чемерицы* привели въ непродолжительномъ времени все въ первобытное состояніе — то есть, Абдериты перестали пѣть: „*О ты, боговъ, людей владычица любовь!*„ и стали всѣ до одного — умны по прежнему.

Конецъ I Части и III книги.